

ЕЛИЗАВЕТА
НАЙТ

БЫВШАЯ
БУДУЩАЯ
ЖЕНА ОФИЦЕРА

Елизавета Найт

Бывшая будущая жена офицера

«Литнет»

2025

Найт Е.

Бывшая будущая жена офицера / Е. Найт — «Литнет», 2025

-Да-а-а, так хорошо! — раздаётся томный женский голос из-за неплотно прикрытой двери Пашиной палаты. Но это не может быть правдой! Толкаю дверь ногой и вижу, как на больничной койке кувыркаются двое: мой муж и скачущая на нём постовая медсестра, кокетливо задравшая белый халат. Я с грохотом бросаю пакет на пол. - Ай! — взвизгивает медсестра и пытается натянуть на них с Пашей простынь. - Вам сюда нельзя... - Мне! МОЖНО! — чеканю я и не отворачиваясь смотрю в наглые глаза своего неверного мужа. - Лера, выйди отсюда! — рычит он. - Паш, а кто это? — стыдливо прикусив губу, блеет это недоразумение в халатике. - Жена, — рявкаю я. - Видимо, бывшая! - Лера, — рычит Паша, прожигая меня злым осоловелым взглядом, — я сказал выйти! Я закончу, и мы поговорим. - Мне подождать в коридоре, пока ты за... кончишь?! Книга участвует в литмобе «Жена офицера»

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Визуализация	9
Глава 29	10
Глава 30	12
Глава 3	14
Глава 31. Андрей	16
Глава 4	18
Глава 5	20
Глава 32. Андрей	23
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 33	35
Глава 10	37
Глава 34	39
Глава 11	41
Глава 12	43
Глава 35	46
Глава 13	48
Глава 36	51
Глава 14	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Глава 1

- Ах-ах-оооо! Да, так хорошо! — раздаётся из-за неплотно прикрытой двери ближайшей палаты.

«Палата № 6» — мажу взглядом по табличке на двери, пробегая мимо.

Точно как у Чехова — дурдом какой-то.

- Ещё, ещё! — не унимается женщина за дверью.

Она стонет так вульгарно и бесстыдно, что у меня румянец выступает на щеках.

Я, конечно, сотню раз слышала грязные сплетни, что военный госпиталь, да и медслужба в целом это вертеп и рассадник порока. А женщины, что там работают — все поголовно бляди.

Но! Я сама медсестра в медпункте в одной из военных частей. И считаю такое определение оскорбительным.

Но доносящиеся до меня стоны и рваные хрипы мужчины вынуждают думать, что всё-таки доля правда в сплетнях есть.

Двумя руками придерживаю большой пакет с домашней едой в контейнерах и булочками — всю ночь пекла. Даже спать не ложилась. Представляла удивлённое и довольное лицо мужа, когда ворвусь к нему в палату с гостинцами и запахом первого снега.

Я специально вчера звонила в госпиталь, узнала про приёмные часы. У своего начмеда попросила отгул и пропуск в госпиталь, чтобы не торчать на проходной.

Пробегаю мимо палаты разврата и встаю у поста дежурной медсестры. Вот только здесь пусто.

Опускаю тяжёлый пакет на стул и прохаживаюсь по коридору.

Я точно знаю, что Паша лежит в терапии, у него сбился сердечный ритм.

Немудрено, он же только неделю назад вернулся из-за «ленточки». Ему дали небольшой отпуск. Всего две недели.

Но вместо весёлого и доброго парня домой он вернулся молчаливый и озлобленный. Отказался есть и разговаривать — отвернулся лицом в стенку. Так и пролежал три дня. А потом ему стало плохо, тахикардия.

Я сама подписывала ему направление у начмеда.

Так что отделение я знаю, а вот номер палаты думала узнать на посту. Но медсестры всё нет.

За спиной раздаются торопливые шаги.

Резко оборачиваюсь.

- Простите! — я практически хватаю за руку пробегающую мимо процедурную медсестру — невысокую женщину в медицинской пижаме и высокой крахмаленной шапочек с заряженной стойкой для капельниц в руке.

- Да? — она недовольно хмурится.

- Простите, вы не подскажете, в какой палате лежит Павел Ваулин?

Женщина хмурится ещё сильнее, бросает недовольный взгляд на пустой пост и машет рукой в ту сторону, откуда я пришла.

- Последняя палата с правой стороны.

Подхватывает стойку для капельницы и скрывается в ближайшей палате.

Я даже не успеваю её поблагодарить, но зато я знаю, где лежит Паша.

Подхватываю тяжёлый пакет и иду в указанную сторону.

Но чем ближе я подхожу, чем громче и грязнее стоны из-за злополучной двери, тем тревожнее бьётся сердце у меня в груди.

Я пытаюсь отмахнуться от нехорошего предчувствия. Но не выходит.

Последняя палата с правой стороны. «Палата № 6». Пашина палата.

Нет! Нет! НЕТ!

Он не мог! Кто угодно, только не он!

Я вспоминаю круглое открытое лицо мужа, вечный деревенский румянец на щеках, словно он только вошёл с мороза, детские ямочки на щеках.

И у нашего сына они есть...

Я замираю перед дверью, до боли в ладошках сжимая пакет.

Всё ещё тёплая, замотанная в фольгу и полотенца еда обжигает мне руки.

Я так старалась... неслась к нему... почти сто километров в стареньком холодном ПАЗике.

Горло сжимает спазм. Но слёз нет. Удивительно.

Чисто механически дёргаю дверь на себя. Крохотный тёмный предбанник с выходом в туалет — палата люкс, по личной просьбе моего начмеда.

Ногой толкаю вторую дверь и замираю на входе.

На больничной койке кувываются двое: мой муж замер в напряжении, уперевшись пятками в старый матрац с пятнами, длинными жилистыми пальцами он сжимает скачущую на нём постовую медсестру.

Ту самую, что прямо сейчас нет на рабочем месте.

Её шапочка валяется на полу, длинные каштановые волосы рассыпались по спине. Она даже не потрудилась снять халат, просто стыдливо приподняла его и вскарабкалась на чужого мужа.

И вот сейчас я смотрю, как смуглые пальцы моего мужа сжимают белоснежную ткань на её талии, как он направляет её, как сам наращивает темп, как...

С каждой секундой ускоряющийся ритм сердца обрывается. Сердце болезненно сжимается в груди и...

В памяти всплывает совершенно другая картина.

Как две капли воды похожую на эту...

Больничная палата. Мой мужчина на койке, а сверху прыгает какая-то шмара, бесстыдно постанывая и закусив пухлую губку.

В голове проносится болезненная мысль, что, видимо, у меня такая доля, быть вечно обманутой женщиной!

Ну нет! Довольно!

Я с грохотом бросаю пакет. Пирожками, контейнеры с едой вываливаются на пол и рассыпаются по всей палате.

- Ай! — взвизгивает медсестра и пытается натянуть на них с Пашей сползшую простынь.
- Вам сюда нельзя...

- Мне! МОЖНО! — чеканю я и не отворачиваясь смотрю в злые, наглые глаза своего мужа.

- Лера, выйди отсюда! — рычит он.

Глава 2

- Паш, а кто это? — стыдливо прикусив губу, блеет эта бл*

- Жена, — рявкаю я. - Видимо, бывшая!

- Лера, — рычит Паша, прожигая меня злым осоловелым взглядом, — я сказал выйти!

Я закончу, и мы поговорим.

- Закончишь? — мой голос срывается на крик. - Ты в своём уме? Ты ЗАКОНЧИТЬ решил?

Я сама не верю в то, что сейчас происходит.

Это всё похоже на дурацкую шутку, розыгрыш, но никак не правду.

Не может мой честный, добрый, надёжный муж быть таким...

Да я Пашу выбрала за то, что он всегда был готов подставить плечо и ничего не просил взамен.

Был рядом, направлял и терпеливо ждал, когда я обращаю на него внимание. Он был, что называется, хороший, надёжный парень. В один из сложных моментов моей жизни он здорово выручил меня, и я поняла, что это тот мужчина, кого я хочу видеть рядом. Всегда.

Деревенский, рукастый, спокойный и большой, словно медведь. С ним я чувствовала себя спокойно. А наша семейная жизнь была похожа на тихую гавань. Никаких скандалов. Никаких бурных выяснений отношений. Никаких тайн.

Только взаимное уважение и любовь. Так я думала.

Что же могло случить ТАМ с Пашей такого, что он превратился в озлобленного изменника с пустым взглядом?

Его же всегда ценило начальство, уважали сослуживцы, боготворили родители и сёстры. Он был положительным со всех сторон.

Ключевой момент «был».

Совершенно не стесняясь меня, Паша удерживает за бёдра завозившуюся на нём медсестру.

На её наглом холеном лице проступают стыдливые красные пятна.

Значит, у этой с*чки, всё-таки есть стыд! — проносится в голове.

- Паш, ты же сказал... — мнётся она, чувствуя себя неуютно.

Конечно, расслабившаяся передо мной на члене моего мужа.

Сердце внутри сжимается так сильно, что трещит от напряжения, а следом по груди ползает чёрная вязкая безнадёга.

Моментально рассеиваются словно дым все мои планы и надежды, все стремления и видения счастливого будущего.

Не будет больше никакого домика в деревне, который решил строить Паша. Он даже свою карточку зарплатную отцу отдал, чтобы тот от его имени заключил договор с подрядной организацией по строительству небольшого коттеджа под ключ.

Так надо! — говорил тогда Паша. - Ты же не можешь всё бросить и заниматься стройкой! Я тем более. К тому же я не хочу отказываться от причитающейся мне по праву квартиры от государства. Пусть дом будет записан на родителей. Отец за всем приглядит. А если со мной, не дай бог, что случится, вы с Дениской будете обеспечены...

Тогда мне казалось это отличной идеей. А сейчас...

А сейчас передо мной всё ещё лежит влажный от вонючего пота муж, а на нём сидит другая баба. Грязно и совершенно бесстыдно!

Твари!

Просто твари!

Пиная ближайший контейнер с картофельным пюре и гуляшом с подливкой.

Медсестра вжимает голову в плечи, когда подлётевший с пола контейнер ударяется ей в спину, раскрывается и вываливает своё содержимое на её задницу и Пашины причиндалы.

- Ты что творишь? — взгляд мужа становится тяжёлым и непроницаемым.

- Желаю вам счастья, твари! — рычу сквозь зубы и разворачиваюсь на месте. - Домой можешь не возвращаться, Ваулин! Потому что дома у тебя больше нет!

- Стоять! — по-военному чётко командует он. Но мне плевать. Я не его подчинённая. Никогда не была и не буду.

Я его жена. Почти бывшая.

Толкаю дверь в тамбур, но она застряла и не поддаётся.

Я снова и снова яростно дёргаю её, пока за спиной раздаются удивлённый вздохи медсестры и злое напряжённое дыхание Паши.

Решили продолжить, не дожидаясь, пока я уйду?

Отлично, твари!

Продолжайте!

С утроенной силой и яростью я дёргаю несчастную заевшую дверь. С жалобным скрипом она поддаётся.

В груди разливается горькое ликование оттого, что прямо сейчас я покину эту палату.

Но не тут-то было!

Паша подлетает сзади, огромной медвежьей лапой бьёт по двери, и она захлопывается обратно. При этом влетает в дверную коробку на добрых десять сантиметров. Перекосившись по всем сторонам.

Мне на руки сыпятся опилки, срезанные от силы его удара.

- Ты что творишь? — взвизгиваю я.

- Я не разрешал тебе уходить, — рычит он за моей спиной. Обдавая горячим дыханием тонкие волоски на затылке.

Я утром так торопилась отвести сына в сад и сесть на первый автобус до города. Что даже не подумала об укладке, просто стянула свои светлые шелковистые волосы в хвост на затылке и поехала.

- Да мне плевать, что ты там про себя разрешаешь или не разрешаешь! Понял? — я снова дёргаю дверную ручку. Но дверь плотно засела в дверной коробке.

- Я НЕ РАЗРЕШАЛ ТЕБЕ УХОДИТЬ, ЛЕРА!

Дрогие читатели! Приглашаю вас в мою эмоциональную новинку!

Девочка офицера. Защитить любой ценой

<https://litnet.com/shrt/6oWZ>

-Ты будешь подчиняться!
 -Нет, — смотрю на мужа упрямо.
 -Я сказал, будешь! — он хватает меня за запястье и больно выкручивает руку, а в чёрных глазах вспыхивает садистский огонёк.

 однажды мне не повезло. Я вышла замуж. За морального урода.
 мой муж меня не отпустит и не даст мне жить спокойно.
 Счастливый случай привёл меня в военную часть. Здесь мерзавцу меня не достать за высоким забором.
 Я хотела спокойствия. Но нашла нечто большее. Мой начальник следит за каждым моим шагом, но настанет момент, когда он не отдаст меня никому. Защитит, чего бы это ему ни стоило...

Визуализация

Дорогие мои!
 Рада приветствовать вас в моей новике!
Хотите посмотреть, как выглядят наши герои?
 Валерия Ваулина, 26 лет

Примерная жена и мама очаровательного сыночка, отвлеченная медсестра в медпункте войсковой части

Павел Ваулин - 32 года

До недавнего времени примерный муж, боевой офицер, капитан. Решает снять напряжение нестандартным способом.

А это наша "живая" обложка

Дорогие мои! Не забывайте подписываться на автора, чтобы быть в курсе новостей.
 И конечно, добавляйте книгу в библиотеку!

Не забывайте про ☆☆ лайки ☆☆ ! Давайте сегодня соберем 200 ☆☆, и я выложу еще одну главу для вас))))

Глава 29

- Мама, кучи мультики! — зовёт меня сын из комнаты.

После разговора со свекровью мне было непросто успокоиться.

Ещё пару часов меня трясло от злости и страха. В итоге я приняла два верных решения: первое — отправила в бан не только свекровь, но и вообще всю их родню, что у меня была записана, второе — позвонила маме и сама ей всё рассказала.

Это было непросто. Потому что кроме самого факта нашего с Пашей расставания мне пришлось ей рассказать и про его измену. Краски я постаралась не сгущать, но основные моменты описала, чтобы свекровь не вывернула всё наизнанку.

Рассказ мне дался непросто ещё и потому, что в моей семье тема секса была всегда под запретом. Моя мама не рассказывала мне о том, что происходит между мужчиной и женщиной. То есть она это не отрицала, но перекладывала просветительскую деятельность на кого-то другого. Возможно, на школу, кто знает?

Фильмы с постельными сценами однозначно снимались с семейного просмотра.

Почему-то моя мама считала, что я должна узнать об ЭТОМ сама.

Поэтому теперь мне пришлось очень осторожно подбирать слова, чтобы описать ТО, что я видела в госпитале.

Не стала я скрывать и о побоях. И о Дениске.

К концу разговора мы рыдали с мамой в голос. Она мягко упрекала меня за ложь с самого начала. Говорила, что нужно было ещё тогда рассказать им с папой всё. И за Пашу не стоило так быстро выходить.

Но сейчас, конечно, проще разбирать проблему, спустя почти четыре года. Тогда это казалось хорошим выходом. А оказалось — входом в мой персональный ад.

- Иду, малыши-карандаши, — кричу мальчишкам, ставлю на поднос три кружки с молоком и тарелку с печеньем.

Юля на дежурстве, а значит, сегодня всей оравой ночуем у меня.

Телевизора в квартире нет. Но Юля дала нам на вечер свой старый ноутбук. Сейчас мы найдём с мальчишками какой-нибудь мультик и посмотрим его перед сном.

Пока ищу мальчишкам мультфильм, телефон в кармане несколько раз вздрагивает.

Достаю и отклоняю вызов с незнакомого номера. Мне сюрпризы не нужны. Я не хочу снова разговаривать с Пашей или его любовницей.

- Ну вот! — разворачиваю на весь экран мультик, поправляю ноутбук и сажусь на диван. Мальчишки садятся рядом и обнимают меня.

Дениска забирается мне на колени и укладывает голову на грудь.

Он у меня очень тактильный мальчик и любит обниматься. Паше никогда это не нравилось. Но мальчику всего три года с небольшим. Я лично не вижу в этом большой проблемы.

Не успеваю свободной рукой потрепать голову Тимы — старшего Юлиного сына, как мы вчетвером вздрагиваем от громкого стука в дверь.

- Мама! — мальчишки подскакивают и, едва не сбив табуретку с ноутбуком, бросаются в коридор.

- Не мама! — кричу им строго вслед. - Мама на работе! Она не может прийти!

Сама же подхватываю телефон и набираю номер Юли.

Сердце сжимается от нехороших предчувствий.

- Алло? — раздаётся в телефонной трубке голос подруги.

- Юля, это ты пришла к нам в гости?

- Что?

Сердце замирает и ухает куда-то вниз.

- Это ты сейчас стучишь в мою квартиру? — от волнения тошнота подкатывает к горлу.
- Нет, — голос подруги моментально становится взволнованный, — не вздумай открывать!

- Я и не собираюсь... — иду в коридор и разворачиваю мальчишек в сторону комнаты.
А сама осторожно, на цыпочках подхожу к двери.

У нас старый военный городок. Большинство домов построены ещё в семидесятые и восьмидесятые: старые перекошенные деревянные рамы с облупившейся краской, газовые колонки, деревянные скрипящие полы и старые двери с огромными щелями в подъезд.

В этой двери прорезан крохотный глазок кем-то из бывших владельцев. Сжав смартфон в руках и не дыша, я встаю на цыпочки и заглядываю в него.

В полумраке подъезда невозможно ничего разглядеть, кроме огромного букета роз.

Целое море тёмно-красных роз колыхнется перед моей дверью.

- Кто там? Лера, не молчи! Может, вызвать патруль?

- Я перезвоню, — шиплю в трубку и продолжаю наблюдать.

Моё дыхание сбивается, пульс долбит прямо по вискам, а сердце отчаянно колотится о рёбра.

Моё сознание почему-то подкидывает мне идею, что это может быть Андрей.

Да, как ни парадоксально, как ни странно бы это звучало. Но почему-то призрачный шанс, что это может быть он, заставляет моё сердце трепетать, а пальчики неметь от волнения.

- Я знаю, что ты там, Лера! Открой!

Очарование момента разлетается на ржавые куски и острые осколки, стоит мне услышать Пашин голос.

Тут же он и сам показывается из-за букета. Хмурый, небритый, с отёкшей физиономией. Я отпрыгиваю от глазка, быстро проверяю замок и прижимаюсь спиной к двери.

Ну нет, открывать ему я не буду.

- Лера, я пришёл поговорить! — кричит он и лупит огромным кулаком по двери.

Я вздрагиваю вместе с жалобно трепещущей дверью.

- Ты там! Открой! Я не уйду! — удары сыпятся на дверь один за другим. Старая деревянная дверь хрустит и гнётся.

- Оставь нас! — шиплю я и точно знаю, что он слышит. - Убирайся к чёрту!

- Пока ты не откроешь и не выслушаешь меня, я никуда не уйду! Я всё осознал, Лер! Честно! Я знаю, что вёл себя как говно! Но это ревность! А что я должен был подумать, когда вернулся в часть, а командиром стал Андрей?

- Что? — я выдыхаю еле слышно. Он только что буквально дал мне пощёчину таким признанием. - Что ты сказал? Ты изменил мне из мести? Решил, что я прыгнула в койку Андрея, как только он переступил порог части? Ты больной?

Всё это я шиплю в толстую щель, чтобы мальчишки не услышали.

- Ой, да перестань! Не строй из себя целку! Ты никогда не могла устоять перед Андреем! Я не виню тебя! Открой, поговорим, обсудим. Я всё пойму и приму...

- Иди в жопу, Паша! — рычу я. - Я в отличие от тебя, себя уважаю и не изменяю тому, кого обещала любить и ценить! Неважно, кто приехал в часть: Исаев или Ален Делон в свои лучшие годы! Я обещала тебе...

- Открой эту блядскую дверь! Я не собираюсь разговаривать с тобой через неё всю ночь!

- Нет!

- Тогда я просто её выбью!

Глава 30

Удары сыпятся на хлипкую дверь.

В зале испуганно подвывают мальчишки.

Нужно срочно что-то делать. Но что я могу?

Не впускать же этого урода в квартиру?

Он ведь здесь всё разнесёт, ещё и Дениску может унести. Я знаю Пашу, он ни перед чем не остановится, лишь бы сделать мне больно.

Но делать что-то нужно! И срочно!

Иначе дверь просто слетит с петель и накроет меня собой.

Я судорожно разблокирую смартфон, пытаюсь дозвониться Юле — её номер высвечивается самым первым в журнале звонков.

Вот только вместо привычных гудков смартфон мне отвечает тишиной. Никакой реакции. Вызов автоматически сбрасывается.

Я пробую снова и снова до боли в пальчиках барабаню по экрану гаджета.

Твою мать!

В последние месяцы у нас проблемы не только с мобильным интернетом, но и со связью. Вокруг части стоят глушилки — всё-таки военный объект, а время у нас сейчас непростое.

Днём можно звонить спокойно, а вот ночью — это уже лотерея. Повезёт — не повезёт!

Сейчас мне не везёт!

Вот, как назло!

Ведь пять минут назад всё работало!

- Паша, — шиплю ему через дверь. - Не усугубляй! Прошу! Оставь нас с Дениской в покое. Давай разойдёмся спокойно...

- Спокойно? — ревёт он и, кажется, бросается на дверь плечом. - Ты на меня заяву в ментовку накатала, дрянь! Меня сегодня как щенка три часа в твою заяву носом тыкали. Это, значит, «спокойно»? Ни хрена! Ты моя, Лерка, и моей останешься! И разойдёмся мы тогда, когда я решу!

- А как же твоя любовница? — не выдерживаю я. Умом я понимаю, что надо промолчать, постараться достучаться до него, но слова вырываются сами. - Или ты предлагаешь нам жить втроём? Шведская семья, или как там говорят?

- А тебя не должны ипать мои отношения со Златой, — рывкает Паша, но перестаёт ломиться в дверь.

- Значит, у вас есть отношения, — я в очередной раз пытаюсь хоть куда-нибудь дозвониться.

- Лера, не беси меня! После всего, не я, а ты должна у меня в ногах валяться и просить, чтобы я подобрал тебя обратно!

- Знаешь, Паш, ты слишком высокого о себе мнения. Я никогда не вернусь к тебе, я подам на развод. Просто отпусти меня, не мешай уехать.

- Хрен тебе!

- Ты же должен понимать, что не сможешь меня остановить.

- Вот это мы сейчас и увидим! — рывкает он и с новой силой набрасывается на дверь.

От слишком частых яростных ударов я вскрикиваю и бросаюсь в комнату к мальчишкам.

Мысли лихорадочно мечутся в голове. Что делать? Остаться здесь и ждать, когда сюда ворвётся неадекватный Паша? Или попробовать сбежать через окно?

Бросаюсь к подоконнику. Не выйдет.

Первый этаж, но окна расположены высоко над землёй, так просто не спрыгнешь. А со мной три малыша. Куда нам?

Пока я судорожно соображаю, что делать, удары по двери прекращаются.

Вокруг всё затихает, чтобы в следующее мгновение отдался оглушительным ударом уже где-то на улице. Похоже на хлопнувшую дверь подъезда

- Я убью тебя, Исаев! — визжит Паша С УЛИЦЫ!

Выглядываю в кухонное окно и вижу, как Андрей в одних спортивных низко сидящих на бёдрах штанах за шкирку выкидывает немаленького Ваулина на улицу.

- Чтобы я тебя рядом с ней больше не видел, урод! - Андрей брезгливо сплёвывает, а от его обнажённого тела поднимаются облачка пара.

Дорогие мои! Сегодня у меня вышла новинка! приглашаю вас окунуться в эмоциональную историю!

"Болезненный развод. Исцеление любовью"

<https://litnet.com/shrt/ZCS7>

- Чего я хочу? Я хочу внимания! — взвизгивает за дверью женщина и громко всхлипывает. - Мне надоело выпрашивать у тебя каждую встречу! И дом твой в этой глуши мне не нужен! И машину я хотела другую! Красенькую, а не это убожество! А теперь наша дочка заболела! Меня бесит эта грязная больница и врач твой тоже бесит!

 Я замираю перед дверью в кабинет мужа - Иванова Олега Федоровича - заведующего поликлиникой, хорошего управленца и примерного семьянина, и не понимаю, о чем идет речь.

 Голос мужа за дверью звучит приглушенно, слов не разобрать, но его обрывают женские рыдания и новые крики.

 - Ты нормальный? На обход к НАШЕЙ ДОЧЕРИ приходила ОНА! ТВОЯ ЖЕНА! А я должна это проглатывать?!

 Дверь распаивается, и передо мной застывают двое: роскошная блондинка с мелькающим в голубых глазах презрением, и МОЙ образцовый муж.
 А еще кажется, отец их общей дочери.
 Смотрю на них, и понимаю, что наша жизнь больше никогда не будет прежней...

<https://litnet.com/shrt/mE3I>

Глава 3

Дорогие мои! Как и обещала за вашу активность - добавляю новую главу! Очень эмоциональную!
И для тех, кто хотел посмотреть на горячую бесстыжую медсестру - прошу!
Комментируем, не стесняемся)))

- Я не нуждаюсь в твоих разрешениях. Никогда не нуждалась!

Это было одним из моих условий перед свадьбой. Я сохраняю свободу выбора. Если надо, советуюсь с Пашей, но решение оставляю за собой.

Это касалось бытовых вопросов, общения с друзьями или родственниками, сына...

Тогда Пашу всё устраивало. А сейчас...

- Мне кажется, ты не понимаешь чего-то, — на моё плечо ложится его огромная ладонь. Сжимает до боли и резко дёргает на себя.

Я разворачиваюсь на месте и запираю перед огромным разъярённым мужем.

- Это ты не понимаешь, что только что протрахал нашу семью! — шиплю ему в лицо и морщусь от новой порции боли в плече. - Думаешь, после всего я пушу тебя на порог? Позволю жить рядом с нами? Прикоснуться ко мне или сыну? Ни хрена!

Паша с силой и отчаянным удовольствием сжимает моё тело. По злорадным огонькам на самом дне его светло-голубых глаз я вижу мрачное удовлетворение.

Он наслаждается моей болью.

В сердце скребётся паника. Но я решительно отодвигаю её в сторону.

Нет! Я не позволю ему себя запугать. Никогда!

- Пусти, мне больно, — я не выдерживаю.

- Извините, — рядом вырастает растрёпанная медсестра, сжимающая в руках свои трусики и медицинский колпак. - Можно, я...

Она пытается протиснуться к двери и старательно отводит взгляд.

- Я не хотела, — блеет она виновато.

Не хотела она! Ну да, конечно! Да у него же на пальце кольцо, которое сложно не заметить...

Стоп!

- Ты снял кольцо? — расширенными глазами смотрю на массивную ладонь мужа на своём плече. На смуглой коже нет даже намёка на кольцо. Даже светлой незагорелой полоски нет! Сколько он уже без кольца?

Значит, и ТАМ он его не носит! Как же часто он ТАК скидывает напряжение? А может, у него и походная подстилка есть? Я смотрю, Ваулина на медсестре тянет! Жена, вот эта шмара и там, скорее всего, тоже...

- За ленточкой нельзя личные украшения, — отвечает он сухо, лишь подтверждая мои догадки.

- Что ты несёшь? Ты четыре дня назад сюда уехал с кольцом! — снова взрываюсь я. - Какая эта шмара у тебя по счёту? А? Ну скажи хоть что-нибудь!

Медсестра в очередной раз пытается проскользнуть мимо. Но я хватаю её за руку и толкаю назад.

- Ну что вы? — изображаю радушную улыбку, за что получаю очередную порцию боли в плече. Паша не церемонится со мной. Будет синяк. Хорошо, если он мне сустав не выбьет. Тогда не знаю, что буду врать начмеду.

На глазах выступают слёзы. Не могу их контролировать. Но и показать этому уроду свою боль я не могу.

- Останьтесь, — шиплю дружелюбно, сжимая зубы до скрежета и стараясь улыбнуться. Выходит хорошо, потому что эта шмара начинает испуганно пятиться обратно к узкой койке.

Поскальзывается на разлитой подливке и, неуклюже взмахнув руками, летит на пол.

Высокая, стройная, как фарфоровая статуэтка, она, совершенно нецензурно выражаясь и раскорячив в стороны руки и ноги, валится на пол и замирает.

Эдакая куколка, в задравшимся до пояса халатике и мини-юбке, в луже чего-то тёплого и красно-коричневого со своей «Матильдой» наружу.

Я не могу сдержать жестокого смеха.

- Вот что ты заслужил, Паш! Кусок мяса в подливке, с готовой на всё «киской»! Наслаждайся! — я дёргаюсь в его руках. - А меня больше и трогать не смей.

И у меня почти получается вырваться. Ключевое слово «почти».

Но Паша огромный, словно медведь. Под смуглой кожей перекачиваются литые мышцы, предплечья оплетены жгутами вен, в которые можно колоть уколы без жгута.

Вот и сейчас злой и разгорячённый после неудачного секса, он возвышается надо мной, тяжело и рвано дышит, едва касаясь моей кофты мощной волосатой грудью.

- Я же предупреждал тебя, что ненавижу сцены, — его взгляд из-под низко нависших бровей пугает. - Просил, никогда не кричать и не обвинять меня ни в чём!

Его злой рык наждачкой проходится по моим напряжённым нервам.

Горло сжимает идиотский спазм.

- Но тебе надо было влететь сюда без предупреждения! Помешать мне снять напряжение! Начать кричать и обвинять меня в неверности! Это было так важно, а, Лер?

Он отпускает моё плечо, но вместо этого двумя руками обхватывает моё лицо. Сжимает его своими ладонями. Наклоняется и пугающе рычит.

- Теперь ты довольна? Добилась своего? А, Лер? Ты хотела разбудить зверя? Ты его разбудила!

Глава 31. Андрей

Сидим с Серёгой у меня на кухне.

Уже не первый день в части, а домой приходим только переночевать.

Смотрю на боевого товарища и вижу всё то же, что и всегда: огромный рост, широкие плечи, короткая стрижка и вечная усталость в глазах.

Чтобы не рухнуть от усталости, мы пьём из одинаковых, армейских кружек простой, но крепкий чай.

Ну как простой? С парой ложек коньяка.

Чтобы отвлечься от проблем в части — а они огромные — мы в сотый раз вспоминаем о переброске, о том, как сложно было прикрывать отход, даже с помощью дронов выводит гражданских и вытаскивать наших трёхсотых.

Мыслями мы с Серёгой всё ещё там, в том грохоте и криках, в том адреналиновом аду, который не отпускает нас ни днём, ни ночью.

И только разговоры на некоторое время способны это заглушить. Разговоры с тем, кто был рядом, вставал с тобой плечом к плечу, кто как и ты жрал землю, когда в блиндаж влетал дрон.

Я делаю большой глоток чая. Он обжигающе горячий, почти кипятком, как мне и нравится. Я подношу кружку к губам, но неожиданно в мыслях встаёт образ Леры. Бледной, дрожащей от холода, с дорожками от слёз на щеках и всё равно ершистой, какой-то злой. И злая она на меня!

Твою мать! Рука предательски дрожит. Я проливаю на себя чай.

- Мля! — вырывается у меня, скорее от досады, чем от боли.

- С каких это пор ты до рта не доносишь? — хмурится Серёга и громко отхлёбывает из своей кружки.

- Отвали! — рявкаю я и поднимаюсь. Надо переодеться.

Пока иду в комнату, скидываю мокрую футболку и закидываю её сразу в ванную в барабан стиральной машины.

А вот до комнаты я дойти не успеваю. Тишину небольшой квартирки разрывает шум из подъезда. Не просто чьи-то шаги, а яростный, отчаянный грохот, громкие крики и ругань, не заглушаемые ни входной дверью, ни тонкими стенами.

Осознание приходит мгновенно. За стеной я поселил Леру. *МОЮ ЛЕРУ!*

Остальные две квартиры пустуют.

И если это не ко мне — а это не ко мне! Значит, это Ваулин решил добратся до жены!

Ну держись, тварь! Я зверею моментально.

Распахиваю дверь квартиры настежь. Холодный подъездный воздух бьёт мне в лицо.

А я вижу только раскаченную спину Ваулина и как этот идиот пытается с ноги выбить дверь к Лере.

Сознание заполняется волнами чистой, животной ярости. Это непростая злость, это самая настоящая ярость защитника.

Не раздумывая ни секунды, я делаю шаг вперёд. Быстрым точным движением я блокирую Ваулина, бью ему по рукам и, пока он не успел сообразить, что случилось, хватаю его за шиворот куртки, встряхиваю так, что голова трясётся, а с губ срывается хрип.

- Эй ты? — сипит отброс. - Ты что творишь? Да ты знаешь, кто я?

Я не отвечаю, просто толкаю его вперёд так сильно, что он влетает в подъездную дверь, которая распахивается под его весом, и впечатывается лицом в замёрзший снег у крыльца подъезда.

За моей спиной присвистывает Серёга. В ответ я только дёргаю плечом. Я так и не успел надеть футболку.

- Тебе помочь? — интересуется друг.

Я только качаю головой. С этим дерьмом я справлюсь сам. Давно пора было этим заняться.

- Тогда пойду себе коньячку плесну... в чай! — смеётся Серёга.

А я выскакиваю за Ваулиным на улицу.

Паша уже поднялся, отряхивается, матерясь сквозь зубы. На его лице читается ярость, смешанная с ошарашенным недоверием.

- Ты? Я мог бы догадаться, что она поселится с тобой!

- Заткнись! — рявкаю я.

Из подъезда уже выходит Серёга, накинув олимпийку, и замирает в дверях.

- Легко драться, когда ты старше по званию, да? — плюётся злостью Ваулин, оценивая свои шансы. - А полковник? Легко нападать на капитана, зная, что наказания не будет?

Я усмехаюсь. Это не весёлая улыбка, а злобная усмешка, рождённая желанием похоронить эту гниду. Ему не место в моей части. Ему вообще не место в вооружённых силах.

- Погон на мне нет, Паша, — говорю я тихо, но слова громко разносятся по двору. — И ты сейчас не на службе. Это только между нами.

Я становлюсь в привычную стойку, поворачиваю шею то в одну, то в другую сторону, разминая до хруста. От моей кожи поднимаются облачка пара, но меня это не парит. Вот совсем!

- Давай, капитан, — опасно щурюсь. - Проверим, кто из нас лучше держится на ногах.

- Я убью тебя, Исаев! — визжит Паша и бросается на меня.

Глава 4

Я судорожно сглатываю. Пропихиваю глоток воздуха через сжавшееся горло.

Я дёргаюсь, но всё бесполезно. Муж держит меня крепко. Слишком крепко.

Ещё секунда и у меня, наверное, начнёт трещать череп от его хватки.

- Я тебя ненавижу, — предательские слёзы всё-таки брызжут из глаз.

Слишком многое внутри меня смешалось: боль от предательства близкого человека, осколки разрушенных надежд на счастье, необходимость кому-то что-то объяснять, оправдываться — в военном гарнизоне иначе не выйдет, всё как на ладони — чёртова боль в плече и просто нечеловеческое давление на голову.

В груди нестерпимо болит разбивающееся на осколки сердце. Как глупо вышло. Хотела устроить сюрприз ему, а получила сюрприз сама.

Огромными глазами я смотрю на мужа и не узнаю его.

Злой, чёрствый, испытывающий удовлетворение оттого, что растоптал меня и продолжает причинять боль.

Всегда румяное открытое лицо посерело и перекосилось от ярости.

- Ненавидишь, значит? — опасно щурится он. - А придётся простить и принять назад. Потому что я не собираюсь никуда уходить!

«НИКОГДА!» — хочу выкрикнуть я, но не успеваю.

Паша стремительно наклоняется и впивается в мои губы жадным яростным поцелуем.

Его губы сухие и жёсткие, против моей воли обхватывают мой рот.

В этом поцелуе нет мягкости или нежности, с которой всегда целовал меня Паша. Сейчас я чувствую только силу, дикую страсть и первобытную ярость.

Внутри всё скручивается от омерзения. Сердце колотится не от восторга, а от ледящего душу страха.

Никогда не думала, что со мной случится такое. Что я не просто застаю мужа за изменой. Но и что мой «Бэбик» Ваулин превратится в настоящее чудовище. Холодное и бездушное.

Меня колотит от осознания, что я ничего не могу сделать. Моих сил и бараньего веса просто не хватит, чтобы противостоять этому медведю.

В стороне переминается с ноги на ногу медсестра. Уже не так порочно и нежно.

Я дёргаюсь в руках мужа, рычу что-то неразборчивое, пока этот идиот пытается углубить поцелуй, и ему это почти удаётся.

Вот только в коридоре раздаются громкие, тяжёлые шаги. А в следующую секунду дверь дёргается. Когда она не поддается, раздаётся сдавленный мужской голос и ругательства.

Новая попытка и дверь отлетает в сторону, больно прикладывая Пашу по плечу.

Я, воспользовавшись моментом, со всей силы бью Пашу промеж ног. Удар выходит слабым — я всё-таки крошка по сравнению с его мощной фигурой — но и этого моему скоро уже бывшему мужу хватает.

С непередаваемым мрачным удовлетворением смотрю, как вытягивается лицо муженька, как глаза наливаются кровью и слезами, как рот округляется и из него летят совершенно неприличные ругательства.

От неожиданности муж выпускает меня из рук.

А я не собираюсь ждать, когда он придёт в себя.

Ныряю ему под руку и выскакиваю в предбанник, едва не сбив лечащего врача.

- Что здесь происходит? — удивлённо кричит тот и заходит в палату.

Не знаю, что у них там будут за разборки.

Меня это больше не касается.

Сдёргивая с вешалки у входа свой пуховик, я вылетаю на лестницу.

Набрасываю его себе на плечи на бегу, когда слышу громкий топот за спиной.

- С дороги, — узнаю злой крик Паши. - Лерка, стой!

Сердце отчаянно частит в груди.

Этого мне только не хватало. Нет, нет, нет!

Я перепрыгиваю через две ступеньки, в какой-то момент обезумев от страха и накатившего адреналина, и вовсе сажусь на перила и скатываюсь по ним вниз.

Ещё один пролёт. И ещё.

Топот остаётся позади. Я оторвалась.

Но это ничего не значит.

Паша упрямый как осёл. И если поставил себе цель — обязательно её добьётся.

Чего стоили его ухаживания. Он был моим другом, помогал в трудный период, но в какой-то момент решил, что я должна стать его женой, и начал мою осаду.

Настойчивые ухаживания длились почти полгода. Паша не отходил от меня ни на шаг. Он даже в другую часть вслед за мной перевёлся, чтобы быть рядом. Носил цветы, конфеты, горячую еду на дежурство приносил в контейнерах.

Он окружил меня заботой и комфортом настолько, что в какой-то момент я поняла, что без него не справлюсь.

Тогда наш союз мне казался чудом.

Но не сейчас!

Неужели я так жестоко ошиблась в мужчине?

Второй раз подряд — мстительно напоминает мозг и сжимающееся от боли сердце.

Я выскакиваю на улицу в расстёгнутой куртке. Ноги разъезжаются в разные стороны на засыпанных первым мокрым снегом дорожках военного госпиталя.

Я набрасываю на шею длинный шарф и, не останавливаясь, бегу к проходной.

Я знаю, что Пашу не выпустят в город — не положено. Это мой единственный шанс сбежать.

А дальше... об этом я подумаю чуть позже.

- Лера, стой, твою мать! — до меня доносится грозный рык Ваулина. - Мы ещё не закончили!

Оглядываюсь на ходу, чтобы оценить расстояние между нами.

Муж бежит по тем же дорожкам, по которым секунду назад пронеслась я.

Босой! В одних больничных пижамных фланелевых штанах, низко висящих на его бёдрах.

От его обнажённого разгорячённого торса на свежем воздухе идёт пар.

Твою мать!

Я отворачиваюсь и... лечу прямо под колёса только что заехавшему через КПП на территорию госпиталя военному УАЗику.

Дорогие читатели! В нашем литмобе новинка от Зои Астэр (Не) любимая жена офицера

ЧИТАТЬ ЗДЕСЬ:

<https://litnet.com/shrt/-PJ5>

Глава 5

У меня нет ни сил, ни времени остановиться.

Всё происходит, как в немом кино.

Мои ноги разъезжаются в глупой попытке изменить траекторию движения. Я ещё быстрее скольжу по мокрому снегу в осенних ботильонах. Больно врезаюсь бедром в капот УАЗика и...

просто перелетаю через него.

Вот я была с одной стороны от капота, а вот уже спрыгиваю прямо на ноги с другой. Как раз перед дверью КПП.

Стоящий в наряде ефрейтор даже присвистывает от удивления и показывает мне большой палец.

Но мне некогда даже удивиться своей удачливости.

Потому что следом в этот же капот врезается разъярённый Ваулин и ревёт раненым зверем.

- Лера, остановись по-хорошему! Иначе...

Что там «иначе» услышать я не успеваю. Влетаю в небольшое здание КПП и практически пролетаю через «вертушку». Спасибо дежурному по КПП, что разблокировал турникет.

За спиной слышу стальной лязг блокираторов. И очередной рёв моего мужа, который со всего маха впечатался в зафиксированную «вертушку».

Это не старые, покосившиеся от времени турникеты, которые можно перешагнуть, или дешёвые современные, которые можно сломать руками.

Нет.

Это всё-таки военный госпиталь. И недавно его прилично обновили. Особенно в том, что касается безопасности личного состава.

В прошлом году демонтировали допотопные турникеты и на их место привезли супер-современные «вертушки» в полный рост. С магнитными пропусками и двойными решётками. Через такой турникет просто невозможно пролезть или прорваться.

Что прямо сейчас и демонстрирует запертый внутри разъярённый Ваулин.

- Открой, мля! Открой, я сказал! — он пытается давить морально на начальника смены. Но тот, несмотря на невысокое звание, свои должностные инструкции знает отлично.

Я же рвано выдыхаю и выскакиваю на улицу.

Затыкаю уши ладонями, чтобы не слышать рёв мужа, и бегу подальше от госпиталя.

Я вырвалась, но расслабляться рано.

Запрыгиваю в удачно подъехавшую к остановке маршрутку.

Уже через полчаса я сижу в холодном, вонючем ПАЗике, что везёт меня обратно в военную часть.

Сажусь у окна, упираюсь лбом в ледяное дребезжащее стекло и сквозь горячие слёзы смотрю на пробегающий за окном чёрный лес.

Мокрые голые стволы деревьев и корявые ветки кустарников.

За окном начал моросить дождь и слизал скудные первый снег.

Пейзаж выглядит удручающе. Под стать моему настроению.

Писец!

Давлю рыдания.

Я не позволю Ваулину так над собой издеваться.

Нет!

Достаю смартфон и смакиваю с экрана уведомления о двадцати восьми пропущенных от мужа. Его сообщения во всех мессенджерах летят туда же.

Я не хочу ни слышать его, ни читать его бред или грубости.

Пытаюсь открыть госуслуги, но здесь, за городом интернет не ловит. Засада. А так бы отправила документы на развод.

Я однозначно не собираюсь оставаться с Пашей.

Нет. Я пока в своём уме.

Двух раз мне совершенно точно хватит, чтобы сделать выводы в этой жизни.

Пора что-то менять.

Сейчас приеду домой, соберу Пашкины вещи и выкину. Нет!

Какая-то глупая жалость к вещам останавливает меня. Чего жалею? Не знаю.

Просто внутренний голос говорит, что так нельзя!

А со мной разве можно так?

Сейчас уткнувшись в ледяное стекло, я думаю, могла ли я заранее знать, что всё так будет?

Могла?

Возможно!

Предпосылки были. Но я предпочитала отмахиваться от них или вовсе не замечать.

Сначала то, что Паша отговорил меня поступать в медицинский.

А я ведь хотела быть врачом. Я уже давно переросла медсестринскую работу. Но Паша уговорил ещё подождать. Дениска ведь совсем маленький. Ребёнку нужно внимание и забота. К тому же ни родители Паши, ни мои не горели желанием всё бросать и переезжать к нам ближе для помощи.

Их можно понять.

Муж последние два года в вечных командировках. Видимся урывками по две недели в год.

Паша со своим отделением отправился *туда* одним из первых. Перед отъездом за ленточку просил не уезжать из части. Ждать его здесь.

И я ждала. В военном гарнизоне, вдали от цивилизации и элементарного комфорта. Но никогда не жаловалась. Потому что считала, что так и надо. Я же сама выбрала его в мужья.

Следующим сигналом стала его зарплатная карточка в руках свёкра.

Сейчас Паша неплохо получает: оклад, материалка, боевые, командировочные. Но все деньги, как говорит свёкор, уходят на стройку. Большой дом в деревне стоит недёшево.

А мы с Дениской кантуемся на мою зарплату. Ходить нам с сыном всё равно некуда, где в военной части развлечения?

Но ощущение неправильности происходящего преследовало меня.

Но как можно было возмущаться, когда Паша «вил уютное гнёздышко» для нас всех? Как я могла не доверять словам свёкра, что все деньги уходят на стройку, если этот мужчина, кроме заботы о своей семье, взвалил на себя все заботы по стройке? С нуля! От котлована до возведения под крышу.

Он уже не мальчик. Своих болячек и хлопот хватает!

А теперь при разводе мне будет сложно доказать, что мы с Дениской имеем права на этот дом.

Но хуже всего — обручальное кольцо и отсутствие следа от него. Банально, но больно.

Про медсестру, скачущую на его члене, я даже говорить не хочу.

Это уже ред-флаг — финал наших отношений.

Такое не прощается и не забывается.

Я совершенно точно не смогу забыть. Если останусь с Пашей, каждый вечер буду видеть перед сном картину его игрищ в госпитале.

Нет! Это не жизнь!

Автобус подъезжает к автобусной станции. Вместе с немногочисленными пассажирами выхожу на перрон прибытия.

Промозглый осенний ветер пробирается под куртку.

Поднимаю воротник и набрасываю шарф на голову.

До части два километра. Придётся идти пешком. Потому что маршрутка до части будет только через полтора часа.

Останавливаюсь у края дороги, чтобы перейти через трассу, и чувствую, как в спину ударяет чей-то очень внимательный напряжённый взгляд.

Резко оборачиваюсь. Но на улице почти пусто.

Районный центр, около которого базируется наша часть, небольшой. Здесь вряд ли живёт больше восьми тысяч человек. Тут всегда немногочисленно, а в такую погоду вообще пустынно.

В следующую секунду передо мной притормаживает тонированный УАЗик на военных номерах.

Двери не открываются, стёкла не опускаются тоже.

И я могла бы подумать, что УАЗик просто решил меня пропустить, если бы не отчётливое ощущение чьего-то пристального внимания.

Несмотря на объёмный пуховик, я кожей чувствую чей-то внимательный, скользящий по мне взгляд. Тёмный, напряжённый, пробирающий до дрожи и приподнимающий волоски на моём теле.

Жутко...

Глава 32. Андрей

Шире расставляю ноги и жду удара Ваулина.

Не знаю, как часто тренируется паша, я же довёл технику боя до автоматизма. Иначе никак.

Сначала занятия помогали мне отключить мозг и не думать о Лере, потом стали необходимостью, чтобы держать тело и разум в тонусе там, где любое промедление равно смерти, а теперь это уже ежедневная привычка.

Паша выбрасывает вперёд кулак, целясь мне в челюсть. Я лишь слегка отклоняюсь, пропускаю его слева от себя. Ваулин, не попав в цель, начинает заваливаться. Слишком большую силу он вложил в неточный удар.

Я же приседаю и делаю короткий выпад вперёд и бросок.

Мой кулак входит противнику точно в солнечное сплетение. Паша издаёт звук, похожий на стон, его лицо мгновенно бледнеет, а глаза выкатываются от удивления.

Но к моему удивлению стоит на ногах Ваулин крепко.

Я не жду, пока он придёт в себя. Наклоняюсь ниже и делаю подсечку. Медленно и неуклюже Ваулин валится на снег, даже не успев вдохнуть.

Привлечённый шумом стычки или вызванный кем-то из жильцов моего дома из темноты выныривает патруль.

Стоит начальнику патруля узнать меня, как он берёт под козырёк, вытягивается в струнку и пытается представиться по форме.

Я только машу ему рукой, мол, отставить. Не видишь, я вообще без формы.

- Этого, — киваю на поднимающегося на четвереньки Ваулина, — проводить домой и до утра не выпускать. Всё ясно?

Патруль кивает, подхватывает Пашку под руки, довольно грубо дёргают и ведут прочь.

- Ты думаешь, что ты победил? — смеётся этот урод. - Ни хрена! Ни хрена ты не победил, Андрюх! Ты проиграл ещё тогда, когда она выбрала меня! И даже если сейчас ты её имеешь, я всё равно её верну! Это вопрос времени! Попомни моё слово! Ты ей не нужен!

Его грубые жёлчные слова, как ни странно задевают меня за живое.

Я думал, что всё уже отболела, сгорело и зажило.

Нет, оказывается, ещё не всё. И прямо сейчас сердце отчаянно гоняет кровь по организму. И я совсем неуверен, что это из-за драки.

Стоит мне подумать о Лере, как мысли путаются в голове, по грубой коже ползут идиотские мурашки. А увидев её тогда, на трассе...

Брр...

Наклоняюсь, подхватываю здоровенную пригоршню плотного снега со льдом и с силой растираю им лицо.

Пускай сотру его в мясо, лишь бы выбить из мыслей Лерку!

Куда там?

Почему-то меня буквально разворачивает к её окну.

А там стоит она!

На фоне чёрного провала белесая фигура, с огромными голубыми глазами и длинными светлыми шелковистыми волосами.

Моя Лерка! Моя!

Как хочется об этом кричать.

Но я не имею права! Потому что не моя! Не Лерка, а Валерия Александровна. Да и Ваулин не так уж и не прав! Она же выбрала его тогда. Почему-то променяла меня на этого упыря.

Да. Я никогда не умел ухаживать и говорить красивые слова. А ей, наверное, хотелось. Зато Ваулин у нас был мастер слова, а не дела. Набрешет с три короба и ходит довольный собой.

Откидываю в сторону остатки снега и стираю с подбородка ледяные капли. И зачем-то снова смотрю на чёртово окно.

И Лерка не уходит. Стоит и смотрит на меня своими бездонными глазами. И нет в них ненависти, но есть тревога и страх.

Осталось только разобраться, страх за меня или за Ваулина.

- Размялся? — посмеивается Серёга у двери подъезда.

- Пожалуй, немного, — я усмехаюсь.

А друг сторонится, пропуская меня в подъезд.

- Пойдём, по кружечке «чайку» бахнем и спать, нам завтра на службу! — он хлопает меня по спине.

- Погодь! — я останавливаюсь на лестничной клетке и смотрю на выломанную дверь.

Блин. Я думал, что успел вытолкать Ваулина до того, как он снёс дверь. Оказывается, не успел.

Перешагиваю валяющийся на полу огромный букет из тёмно-бордовых роз.

Идиот! Лерка любит розовые или чайные. Он что за столько лет выучить не смог?

Толкаю дверь.

- Андрюха, ты куда? Твоя квартира слева...

- Отвали, Серёг! — злюсь я и громко стучу по уже открытой двери. - Лера, я захожу!

Ответом мне служит тишина и лёгкий шорох из комнаты.

Не раздумывая, направляюсь туда и застаю...

Лерку! Мою Лерку в смешной ночной пижаме, с рассыпавшимися по плечам длинными светлыми волосами и... закрывающую от меня ТРОИХ ДЕТЕЙ!

Троих маленьких пацанов мал мала меньше!

Я судорожно сглатываю, разглядывая трёх притихших малышей. Двое старших — точная копия друг друга, тот, что помладше сильнее всех жмётся к ноге матери и смотрит на меня огромными бездонными глазами.

- Это все твои? — вырывается у меня.

Глава 6

В тот момент, когда к горлу подступает паника, пассажирская дверца открывается, и мне улыбается сержант Аляксин — молодой парень, водитель из нашей части.

Он у нас ещё срочником служил, нашу санитарку водил. Я его хорошо знаю. А потом перешёл на контракт и стал возить командира. Он один из немногих, кто остался при части — следит за несколькими машинами в автопарке и помогает в ротах.

Срочники никуда не делись. А вот ротные и взводные поредели. Кто-то же должен поддерживать порядок.

- Валерия Александровна, — не перестаёт мне открыто улыбаться сержант. - Вас подкинуть?

Я уже собираюсь согласиться. Всё-таки идти два километра под морозящим дождём с крупными льда мне совершенно не хочется. Но какое-то едва уловимое напряжение останавливает меня.

Я осторожно заглядываю в салон поверх головы сержанта.

Рассмотреть получается лишь тёмный мощный силуэт. Моментально по коже пробегает озноб.

Я чувствую, что именно этот человек сверлит меня взглядом. Он не просто смотрит, он изучает. Ощущение, будто каждый миллиметр моей кожи, каждое движение, каждый изгиб одежды сканируется с какой-то невероятной, почти хищной сосредоточенностью.

Я отступаю на шаг.

- Нет, Игорь, спасибо, — стараюсь улыбнуться и не дать неожиданной панике захватить меня. - Я прогуляюсь.

Сержант удивлённо вскидывает брови.

- Да что вы, Валерия Александровна? — он быстро перехватывает мой взгляд, направленный поверх его головы. Улыбается ещё шире и заговорщицки понижает голос — хотя в салоне машины его прекрасно слышно. - Начальство не против, садитесь!

Но я упрямо качаю головой.

Не думаю, что старшему офицеру понравится, если медсестра так запросто запрыгнет в его УАЗик. Да и Игорю надо иногда головой думать, прежде чем что-то делать.

- Как знает, — пожимает плечами Игорь и выжимает педаль сцепления. - Кстати, вы бы на льду поосторожнее, чуть мне под колёса в госпитале не угодили!

Он игриво подмигивает мне, захлопывает дверцу и срывается с места.

Твою мать! Значит, это Игорь был за рулём того самого УАЗика! Он видел не только, как я перелетела через его капот, но и босого Пашку в одних штанах, что гнался следом.

Это писец!

Закусываю губу от досады. Сплетен теперь точно не избежать. Игорь - парень неплохой, светлый. Но сплетник, хуже бабы. Уже к вечеру вся часть будет гудеть и обсуждать, почему я убегала от собственного мужа! А если они с Пашкой ещё и парой слов успели переброситься...

Я с облегчением провожаю тёмно-зелёный УАЗик. А напряжение не отпускает.

Наоборот, оно всё сильнее сжимает моё сердце, выкручивает и наматывает на невидимый кулак мои внутренности, сжимает горло спазмом.

Как сказал Игорь? «Начальство не против».

Про кого это он?

Я мысленно пытаюсь представить всех старших офицеров, что остались в части. Но под тёмный мощный силуэт в УАЗике никто не подходит.

Наш командир ещё в самом начале уехал за ленточку. А недавно пришла страшная весть, что он пропал без вести.

Все затаились и молчат. Но и без официальной похоронки каждый знает, что «пропал без вести» в девяносто девяти процентах значит «погиб».

Последние дни упорно ходят слухи, что к нам приедет кто-то со стороны.

Но опять же никто ничего не знает наверняка.

И Паша говорил, что всё это ерунда, бабские сплетни...

От мыслей о муже быстро «трезвею».

Соберись, Лера!

Выше поднимая воротник, накидываю на уже мокрые волосы капюшон и торопливо переставляю ноги.

Мне надо проветриться. Подумать, что с этим всем делать дальше.

То, что я с Пашей не останусь — это однозначно.

Такое невозможно ни простить, ни забыть.

И даже не саму измену. А циничность, с которой он мне изменил. Всё рассчитал, заранее снял кольцо, не сказал ей, что женат! Но я бы всё равно приехала его навестить! Как он собирался прятать нас друг от друга? Или он вообще не думал в тот момент?

На Пашу это не похоже. Он ко всему подходит обстоятельно.

И в своих командировках все два года он был без кольца — об этом очень красноречиво говорил его ровный загар, без светлой полосочки.

Не положено! — вспоминаю чёткий и по-военному сухой ответ.

Вот только я знаю, что к другим мужа возвращаются с кольцами, под которыми белеет полоска их верности.

А я получила предательство, неприкрытое ложным сожалением.

Как он сказал? Простишь и примешь назад, иначе...

Нет, Ваулин. Никакого прощения ты недостоем.

Злость придаёт мне сил. За полчаса добираюсь до дома. И прямо со входа, едва скинув пуховик и ботильоны, бросаюсь в комнату.

Вытаскиваю из-под Денискиной кровати огромную сумку мужа, с которой он приехал и раскрываю её.

За четыре дня он даже ни разу её не открыл. Отлично! Меньше мне придётся собирать вещей.

С отчаянной яростью распахиываю шкаф, выдвигаю всё без разбору ящики комода. Сгребаю вещи мужа: трусы, носки, джинсы и футболки.

Всё это просто бросаю в необъятную сумку и очень быстро понимаю, что не такая она необъятная.

Лезу на шкаф и достаю ещё одну сумку — чего-чего, а в семье военных сумок всегда хватает.

Перекалываю часть вещей из забитой сумки впустую. Иначе замок не застегнётся.

И совершенно неожиданно чувствую под ладонями лёгкую бесшумную вибрацию.

- Что это? — шепчу себе под нос. И первой моей мыслью становится то, что я случайно в порыве злости закинула в сумку свой смартфон.

Вываливаю содержимое на пол и торопливо ишу его среди вещей.

Запоздало понимаю, что мой телефон всё ещё лежит на комode и прямо сейчас в очередной раз отклоняет вызов Паши, предусмотрительно закинутого мной в чёрный список.

А если Паша звонит мне со своего телефона, тогда что сейчас вибрирует у меня под руками?

Перетряхиваю все вещи и, наконец, достаю небольшой чёрный смартфон.

Я же сама его покупала Паше и передавала с кем-то из командировочных.

Вот глупая. Устроила здесь...

Оглядываюсь на валяющиеся по всем поверхностям вещи.

Теперь всё это надо запихнуть назад.

Медленно выдыхаю. Откладываю смартфон, который моему мужу нужен был для службы и уже собираюсь вернуться к вещам. Но экран смартфона вспыхивает, и на нём всплывает новое сообщение.

«Не пиши мне. Всё вскрылось!»

Глава 7

Сердце в очередной раз сжимается от боли. По языку и нёбу растекается горький вкус предательства и двойной жизни моего благоверного.

«Не пиши. Вскрылось!» — сухие фразы, которые режут меня на части без ножа.

Меня накрывает мрачной одержимостью узнать всё, чем занимался мой муж, пока я ждала его здесь, как дура, пока паковала посылки и отправляла с теми, кто уезжал туда.

Дрожащими пальчиками я пытаюсь разблокировать телефон, но не выходит. Паша поставил на него пароль.

Вот же! Отбрасываю смартфон в сторону и с новыми силами принимаюсь распахивать его вещи по сумкам.

В какой-то момент меня всё это начинает так сильно бесить, что я начинаю утрамбовывать его шмотки ногами. Просто прыгаю на сумке, даже не заботясь о том, что могу что-то порвать или сломать.

Мне вообще плевать!

Как странно. Ещё вчера вечером я с любовью и заботой переглядила все его вещи и сложила аккуратной стопочкой. Сверху положила его любимые футболки.

А теперь я готова вообще разорвать всё это в клочья и скинуть с балкона.

Останавливает меня только осознание того, что мы живём в маленьком военном городке. Про нас и так будут судачить на каждом углу, в каждом кабинете и за каждым кухонным столом. Не ходу добавлять моментов, которые «добрые» соседushки будут смаковать с особым цинизмом.

Нужно поберечь себя — развод обещает быть непростым.

Оглядываюсь и сдуваю со лба длинную светлую прядку. Застёгиваю обе сумки, поднимаюсь, разминая затёкшую спину, и ловлю в зеркале своё отражение.

Хрупкая, почти невесомая блондинка с печальным взглядом и неизбывной тоской, притаившейся в каждой чёрточке.

Уголки рта опустились, а покрасневший и припухший веки придают моему лицу болезненный вид.

Да, краше в гроб кладут — как говорится.

Как я докатилась до такой жизни? Как могла допустить? Что сделала не так? Где оступилась? Чего недодала Пашке?

Почему моего надёжного медведя потянуло на первую встречную юбку? Прямо в госпитале! Стыд-то какой!

Зло стираю влажные дорожки со щёк.

Не плакать!

Не расслабляться!

Не думать!

Не прощать! — приказываю я себе.

Он этого недостоин. Он даже моего сожаления недостоин.

И прожитых рядом лет не заслужил.

Достаю из комода семейный альбом и выдёргиваю из него все совместные фотографии.

Под ноги мне падает наша свадебная фотография, снятая друзьями на телефон.

Я в простом трикотажном светлом платье, изящно выставляю вперёд огромный букет и руку с золотым колечком. Паша просто светится от счастья, что заполучил меня в жены.

Всегда так и говорил: «заполучил».

Я не любила это выражение, слишком много застарелой боли за ним скрывалось. Моей боли.

А теперь оно вообще ощущается, как плевков или пощёчина.

Заполучил и унизил, растоптал, окунул в грязь, словно в отместку за все месяцы, что так нежно и трепетно ухаживал, за все поступки, что делал ради меня, за то, что добивался и добился. Как будто отомстил!

Но за что?

За Андрея? — мысль о прошлом стальной струной звенит в пустой голове.

Но я ведь никогда ничего не скрывала. Обо мне Паша знал всё с самого начала.

В первый же вечер, как он пришёл ко мне на смену, вывалила перед ним всё, что болело внутри.

Думала, уйдёт, бросит свою затею.

Но он не ушёл. Остался, поддержал, потом помог с переводом в другую часть. А потом и сам перевёлся за мной.

И всегда говорил, что будет рядом, не давал страдать, скатываться в депрессию и вытянул меня. Правда, его заслуга огромная. Возможно, и на брак с Пашей я согласилась больше из-за чувства благодарности, чем от большой любви.

Потому что сейчас, наверное, впервые я могу признаться даже себе. Что так и не смогла полюбить Пашу так, как он того заслуживал. Наверное. Заслуживал.

Он был хорошим, старался стать лучшим. Вот только я чаще видела в нём друга, чем...

Не хочу об этом думать. Не сейчас. Только вечера воспоминаний мне не хватало.

Один был мерзавцем и лжецом, второй оказался не лучше!

Волоком тащу сумки в узкую прихожую. Здесь же запикиваю Пашины берцы и кроссовки в пакет с фотографиями. Прямо грязными подошвами по нашим счастливым лицам — да, так правильно. Муж всё равно уже потоптался на нашем счастье. Чего уж теперь?

Пора за Денисом в садик. О том, что я ему скажу, подумаю потом.

Накидываю на плечи пуховик, обуваю все те же осенние ботильоны, потому что зимние ботинки лежат на антресолях, и Паша обещал мне помочь их достать после выписки.

Подхватываю с этажерки ключи и распакиваю дверь.

Но тут же чувствую на плечах болезненную хватку.

С силой меня впечатывают в дверь.

Тёмный силуэт наклоняется, обдавая меня ароматом до боли знакомого парфюма — сама покупала — и шепчет.

- Сюрприз, дорогая! Не ждала муженька так рано?

Дорогие мои! Для вас вышла новая история нашего литмоба
"Бывшая жена офицера" от Анны Граниной

ЧИТАТЬ ПО ССЫЛКЕ:

<https://litnet.com/shrt/iXTA>

Глава 8

Сердце сжимает стальная хватка накатывающей паники. Скорее от неожиданности, чем от страха.

Потому что прямо передо мной стоит мой муж.

Павел Ваулин собственной персоной. В мятом бушлате, покрытом мелкими каплями осенней мороси, всклокоченный, небритый, окутанный тяжёлым ароматом табака.

Не лёгкого и ароматизированного, а терпкого, крепкого, от которого першит в горле и слезятся глаза.

Я замираю в его руках, сердце начинает колотиться где-то в районе глотки, отдаваясь болезненной пульсацией в ушах.

Откуда?

Как, чёрт возьми, Ваулин тут оказался?

На чём приехал? Следующий автобус только поздно вечером!

Я по своей наивности думала, что до нового раунда выяснения отношений у меня будет время собраться с силами.

Гулко сглатываю. Оказалось, времени нет совсем.

- Чего молчишь? Говорю, не ожидала так рано? — он наклоняется ближе. Сдвигает на затылок уставную шапку с тёмно-зелёной кокардой. Из полумрака старого подъезда, освещённого одной сорокаваттной лампочкой, проступает лицо Паши.

Господи, что это за лицо?

В очередной раз сердце болезненно сжимается.

Сейчас оно грубое, суровое, совершенно не такое, каким я его привыкла видеть. Подбородок, скулы и щеки покрывает густая тёмная щетина, делая мужа старше и опаснее.

Слишком ярко и лихорадочно в этой темноте горят глаза Паши. Я чувствую на себе его тяжёлый взгляд. А в нём — холод, злость, какая-то тупая отчаянная боль.

И больше ничего. Нет в родных глазах ни сожаления, ни мук совести, ни былой нежности, ни отголосков любви.

Это совершенно чужой, безжизненный взгляд.

- Что ты здесь делаешь? — отмахиваюсь от подступающей паники.

Нельзя бояться. Нельзя показывать свой страх.

Только не таким, как Паша. Он зверь по натуре.

Бежишь? Догоняет. Боишься? Станешь жертвой!

- Я? — он недобро ухмыляется. - Вернулся домой. Встречай меня, жена!

Бросаю взгляд на тощую спортивную сумку, которую сама собирала три дня назад мужу в госпиталь.

Неужели выписали?

- Здесь нет больше ничего твоего, — отсекаю жёстко.

Павел хмурится, сжимает до боли мои плечи и заглядывает в неплотно прикрытую дверь.

Его лицо моментально темнеет, глаза наливаются кровью.

Ногой со всей силы он толкает старенькую деревянную дверь. Она с грохотом ударяется о стену, отскакивает и летит обратно.

- Решила от меня избавиться? Не выйдет, Лера! Не выйдет! Эта квартира записана на меня! Я не собираюсь двигаться и облегчать тебе жизнь!

- Что? — мои брови взлетают вверх. - Что ты несёшь, Паш? Я решила избавиться? Ты себя вообще слышишь? Да я с тебя сегодня шмару какую-то сняла! Я! Понимаешь? Это ты решил избавиться от меня и Дениски! Но я не гордая! Я уйду в сторону, развлекайся, на здоровье!

Нам только с сыном не мешай! И про защиту не забывай, а то мало ли с каким букетом твоя шмара! А теперь дай пройти!

Я дёргаюсь в его руках.

Но он держит крепко.

С силой впечатывает меня в подъездную стену. Да так, что у меня мошки перед глазами мелькают. Морщусь. Но всё равно шиплю.

- Пусти по-хорошему, Ваулин. Не доводи меня! Иначе я всю часть на уши подниму, — скорее всего, я блефую.

На задворках моего сознания всё ещё теплится надежда разойтись мирно. Поделить совместножитое и не травмировать маленького сына.

Бывает. Люди сходятся и расходятся. Главное, сделать это мирно.

- Не доводить тебя? Нашу идеальную медсестричку Леру? — недобро скалится Паша. - Часть на уши поставишь? Или защитника своего? Конечно, я теперь стал не нужен! Поднял, приласкал, обеспечил, а теперь на хрен с пляжа?

- Ваулин, уймись! О чём ты вообще?! Я тебя не понимаю! Ты стрелки с себя не переводи! Не я, а ты изменил мне! Не я, а ты растоптал наш брак, нашу семью, будущее нашего сына!

- Заткнись! — огромный кулак впечатывается в стену рядом с моей головой.

Внутренности сжимаются, а острые когти страха царапают сердце. Если бы этот кулак впечатался в моё лицо, я бы не перенесла такого удара.

- Заткнись! Не строй из себя овцу! Ты думаешь, я белый и пушистый мишка и буду проглатывать всё, что ты мне подсунешь? Милая и добрая жёнушка, дом - полная чаша, сынок, да? А ты ничего не попутала? Не думаешь, что шмара здесь только одна? И это ты!

Его взгляд становится по-настоящему безумным.

- Я не понимаю, о чём ты, — вздёргиваю подбородок. - Уж я тебе точно не изменяла!

- Но и не любила! Никогда! А? Скажешь не так?

- Ваулин, отстань, — пытаюсь вырваться. Но он не даёт.

- Ты только использовала меня! Тебе нравилось мной крутить! Думала разозлить Андрея? А он и не подумал тебя возвращать!

- Не смей, — я повышаю голос. - Никогда не говори о нём!

- А то что? Что ты сделаешь? Снова отвернёшься к стенке и будешь мечтать о нём, пока я тебя глажу?

- Перестань!

- Думаешь, я не знаю, кого ты представляла все эти годы вместо меня в постели?! Думаешь, я спятил? Просто так пошёл и трахнул медсестричку в госпитале? — меня обдаёт его тяжёлым дыханием, в котором я чувствую не только нотки терпкого табака, но и шлейф крепкого алкоголя. Да Пашка же прятался в стельку. - Да мне твоё лицо лживое осточертело! Все эти годы между нами стоял Андрей. Я же видел, как ты сравнивала меня с ним! В постели. В работе. В домашних делах. И перевес был всегда не в мою сторону!

- С чего ты взял? — взрываюсь я.

Мне бы успокоиться, подумать, как ему отвечать. Он же сейчас вообще ничего не воспринимает.

Но я не могу. Старые болезненные воспоминания роем поднимаются в голове.

Слишком долгий и странный день. Страшный день.

Измена Паши один в один как измена Андрея. Госпиталь, узкая больничная койка и отвязная медсестра.

Вот только Андрея я уже давно вычеркнула из своей жизни.

Я никогда не умела прощать предательства и измены. Это тот предел, из-за которого нельзя вернуться.

Андрей цинично воспользовался мной, поигрался и выбросил!

Он не достоин ни сожалений, ни воспоминаний.

Жалкий трус! Бабник и трус!

И я совершенно точно никогда не сравнивала с ним Пашу...

Хочу прокричать ему это в лицо, но осекаюсь.

Новая болезненная волна старых воспоминаний накрывает меня: горящий взгляд почти чёрных глаз, с неутолимой жадой в них, лихой разлёт бровей, наглая усмешка, и самые горячие объятия из всех возможных. С ним было трудно. Андрей в отличие от Паши был бунтарь по натуре. Про таких говорят «ненадёжный» парень. Таким он и оказался.

На его фоне Паша был... другим. Плюшевым мишкой, готовым бросить весь мир к моим ногам. Но сердцу ведь не прикажешь...

- Сука! — рычит муж и снова заносит огромный кулак. Вот только в этот раз он направляет его прямо мне в лицо.

Я зажимаюсь и ожидаю самого страшного.

Кажется, я просчиталась. На уважении, дружбе и признательности нельзя построить крепкий брак. Потому что тот, кто любит, не дождавшись обожания в ответ, когда-нибудь начнёт ненавидеть.

Жаль, что я поняла это только сейчас!

Секунды неожиданно растягиваются в вязкий зловонный кисель. Вязкая горькая слюна отказывается проглатываться. Раскалённый от напряжения и зашкаливающего безумия воздух невозможно пропихнуть в лёгкие.

Меня обдаёт холодным липким потом, сердце подскакивает в груди от щелчка дверного замка.

С глухим стуком открывается соседняя дверь. Из-за неё выглядывает удивленное лицо моей подруги и коллеги Юли — мы вдвоём работаем в медпункте. Я медсестра, она лаборант.

- О, Пашка? — моргает она удивлённо и очень быстро оценивает ситуацию: занесённый передо мной кулак, злой и пьяный Паша, испуганная я. - А что это вы тут делаете?

Глава 9

Не оглядываясь на неё, муж рычит.

- Дверь закрыла!

- Ваулин, ты чего? - Юлька распахивает свою дверь шире. Выходит в подъезд в пуховике и натягивает на голову шапку. - Берега попутал?

У Паши взгляд вспыхивает такой яростью, что мне становится страшно за Юлю.

Не выпуская меня из рук, он резко разворачивается, оценивает «соперницу», смачно сплёвывает на пол ей под ноги и снова рычит:

- Иди, куда шла! Быстро!

Юля отступает.

Она не из робкого десятка. Но сейчас она верно понимает расстановку сил. Нам даже двоим не справится со злым и пьяным Пашей.

- Ты совсем башкой тронулся, — цедит она и проходит мимо него.

- Я тебя...

- Не надо, Паш! — перехватываю его руку и висну на ней.

Я не собираюсь его успокаивать. Но я не дам ему навредить Юле.

Она одна из немногих моих по-настоящему близких знакомых.

Когда мне выпадают суточные дежурства, она всегда с готовностью забирает Дениску к себе. У неё двое своих хулиганов. В такие вечера Юлька устраивает им, как она говорит, вечер обжиралова и просмотра мультиков до тошноты.

Это она, конечно, преувеличивает.

Но зная Юлю, я уверена, что она накормит детей до отвала вкусной домашней едой, без чипсов и фастфуда, включит какой-нибудь старый добрый мультик и будет смотреть его вместе с детьми.

Она, пожалуй, единственный человек, с кем мне не страшно оставлять сына.

Даже свекрови и собственной матери я так не доверяю, как ей.

Поэтому я просто не могу допустить, чтобы Паша навредил ей и её двойняшки остались без присмотра. Муж у Юли давно ушёл в закат, бросив и её и детей.

Я медленно выдыхаю, только когда Юля быстро сбегает по ступеням, а внизу громко хлопает подъездная дверь.

Повисшую напряжённую тишину тёмного подъезда нарушает тихое жужжание смартфона в моём кармане.

Кому я могла понадобиться так не вовремя?!

Размеренная вибрация выводит Пашу из оцепенения.

Рукой, на которой всё ещё вишу я, он распахивает дверь в квартиру и толкает меня к дверному проёму.

- Чего встала? — недобро шурится он. - Хочешь всех соседей собрать? Пошла!

Нехорошее предчувствие холодит душу.

- Пусти, Ваулин! Ты сейчас не в том состоянии, чтобы выяснять отношения, а я собралась...

- ЧТО? Я не в том состоянии? — одной рукой он сгребает меня в охапку и заталкивает в крохотный коридор нашей служебной квартиры. Ногой отпихивает с прохода сумки со своими вещами. - Что это?

- Твои вещи! — несмотря на поднимающийся в груди неконтролируемый страх остаться с этим животным наедине, я упираю руки в бока и цежу. - Ты здесь больше не живёшь! Можешь возвращаться в госпиталь и продолжать скидывать там стресс с кем угодно! Я с тобой жить не буду, я уже тебе сказала.

- Ты думаешь, мне так легко скинуть стресс? ТЫ вообще ничего не знаешь! Ты даже не представляешь, каково мне сейчас!

Теперь уже настает моя очередь вспыхивать и злиться.

- Так просветил бы, а! Что за секреты и недомолвки? Почему, если что-то тебя беспокоило, ты не поговорил со мной? Зачем этот обман?! Я не понимаю! Приехал хмурый, злой! Да тебя там как будто подменили. Но это я могу понять. Но то, что ты три дня не разговаривал со мной и даже не прикоснулся, но в госпитале сразу взгромоздился на первую попавшуюся медсестричку, это как называется? Любовь с первого взгляда? Кобелизм? Спермотоксикоз? Пофигизм? Что это было, Ваулин?

Он хмурится. Кажется, его огромная фигура занимает собой вообще всё пространство нашей маленькой квартирки.

Мне даже дышать рядом с ним трудно.

Как я вообще раньше я жила с ним и не замечала жёсткой линии рта, надменного взгляда и недоброй ухмылки?

Почему Ваулин мне всегда виделся только медвежонком?

- Я повторяю, — продолжаю твёрдо. - После такого я не буду жить с тобой. Выбирай, уходишь ты или уйду я с сыном! Терпеть измену и дерьмовое отношение к нашей семье я не буду. У нас только один выход и это развод!

- Нет, Лерка, так не пойдёт! Я не для того в лепёшку разбивался, я не для того жопу на британский флаг себе рвал, чтобы ты хвостом передо мной крутила, — он надвигается на меня огромной, пугающей в своей мрачной решимости горой. - Ты моя жена! Нравится тебе это или нет! Хотела сравнивать меня с Андреем? Отлично! Сможешь сделать это прямо сейчас, в постели! Посмотрим, кто из нас двоих лучше ублажал тебя!

- Что ты несёшь, Ваулин? — я делаю шаг назад, но упираюсь в старенький шифоньер. Новая волна тревоги давит грудь.

- Сейчас узнаешь, — ревет пока ещё муж и рвет в стороны края пуховика на моей груди.

Глава 33

- Что? — переспрашиваю я моргая.

У Андрея такое странное выражение лица, растерянное и решительное одновременно.

А ещё он не одет.

Как был без футболки, так и вылетел из квартиры или откуда там он вылетел.

И сейчас стоит посередине моей комнаты с обнажённым торсом.

Я очень стараюсь смотреть ему в глаза.

Но не могу!

Взгляд постоянно соскальзывает ниже.

Твою мать, Исаев, неужели ты не мог прикрыться?!

Как можно оторвать взгляд от практически совершенного тренированного тела? Под смуглой кожей при каждом движении перекачиваются стальные мышцы, упругие жгуты вен сетью оплетают предплечья и переходят на плечо, огромные кулаки яростно сжимаются...

- Я говорю, это все твои?

Гулко сглатываю.

- Мои? А, ты про мальчишек? — я почему-то отчаянно краснею.- Нет, Дениска мой сын. Тима и Ваня — сыновья Юли, моей подруги.

Прижимаю Дениса к себе, а мальчишек Юли глажу по голове, треплю по волосам.

- А где она сама? — из-за спины Исаева выступает тот самый подполковник, которого я видела в штабе. Только сейчас он, как и Исаев, одет в свободные спортивные штаны и, слава богам, в футболку.

Мужчина недовольно хмурится, оглядывая нашу компанию, бросает взгляд на кружки с молоком, печенья и ноутбук.

- Что это за мать?.. — продолжает он.

Андрей не вмешивается, а меня почему-то злит этот мужчина и его отношение к Юли. Пришёл, не спросил, кто, где и сразу стал наезжать! Мать ему не такая. Да Юля — лучшая мать, которую я знаю.

- Юля — мать-одиночка и прямо сейчас она закрывает двумя руками все бреши в недостатке кадров в медпункте на суточном дежурстве. А если не повезёт, этими же руками кого-то из солдат за уши из курилки вытаскивает. Вам бы, товарищ подполковник, разъяснительную беседу с бойцами провести стоило, а не к Юли цепляться!

Поток ядовитых слов выплёскивается из меня. Я даже до конца не успеваю осознать, что несу. Внутри меня всё ещё клокочет страх вперемежку с адреналином. Жгучая смесь.

Подполковник удивлённо приподнимает брови, потом присвистывает и поворачивается к Исаеву.

- Не хило она меня отбрила, — в его голосе звучит странный восторг.

Да что с ним не так?

- А я тебе сказал, останься в квартире, — цедит Андрей.

- Хм, — снова хмурится подполковник. - Я, пожалуй, пойду беседу с бойцами проведу, внеплановую проверку в медпункте. А то мало ли, вдруг мало там двух рук, — он как-то странно хмыкает и исчезает. - Хотя там руки то что надо...

А после его ухода становится легче дышать. Ещё бы Исаев ушёл.

Но от этого так быстро не избавишься. Он вездесущий.

Прошёлся по небольшой холодной комнате, зашёл на кухню, заглянул в холодильник и под стол, прошагал по коридору, зачем-то постучал в дверь. Опять.

- Собирайтесь, — он снова оказывается на пороге зала.

- Зачем? Куда? — мои мысли мечутся в панике. Куда нам идти на ночь глядя? Неужели Андрей решил меня выставить из служебной квартиры за порчу казённого имущества?

Но его испортил Ваулин, вот с него пусть и спрашивает. Я здесь ни при чём!

- Твой... — лицо Исаева темнеет, челюсти сжимаются до хруста, — Ваулин выбил напроць дверь. Ты же не собираешься ночевать одна с детьми без двери?

- Я? А? Нет, — киваю, потому что мне ничего больше не остаётся.

- Берите самое необходимое и за мной, — командует Андрей.

Я не успеваю ничего сказать, как Тима и Ваня подхватывают три кружки и ноутбук и бредут за командиром части. Отлично! Армия у них в крови — быстро подчинились приказу, не задавая лишних вопросов.

Только Дениска всё ещё обнимает меня за ногу и сопит. Испугался сыночек.

- А ты... - Андрей осекается, заметив, почему я не двигаюсь с места.

Он подходит к нам, садится перед Денисом на корточки и протягивает ладонь.

- Андрей, — представляется Исаев.

- Енис, — хмурится сын, но руку жмёт. Он ещё плохо разговаривает, сказывается постоянное отсутствие отца и моя работа. У меня не всегда есть время полноценно с ним заниматься и играть. Поэтому два раза в неделю мы с ним ездим к дефектологу и пытаемся решить проблемы с речью.

- Значит так, Денис, — серьёзно говорит ему Андрей. - Бери свою маму и пойдём ко мне.

Сыночек качает головой, а Юлины сыновья с интересом наблюдают за нами из коридора.

- Почему? — по-настоящему хмурится Исаев.

- Низя к незнакомцам, — сосредоточенно и почти правильно произносит сын.

Молодец. Нельзя к незнакомцам.

- Так мы с тобой познакомились, и руки пожали, пошли. Иначе вы с мамой тут замёрзнете насмерть. В квартире холодрыга, — рычит сквозь зубы Андрей. - И двери нет. А то ночью волки прибегут и за бочки вас всех перекусают.

Да блин! Что он несёт?! Какие волки? Педагогического таланта у Исаева точно нет.

Вот только к моему удивлению его «страшилка» работает. Сын несколько секунд разглядывает Андрея, потом кивает и протягивает ему ладонь.

Крепко держится за неё. Берёт меня за руку и тащит нас на выход.

От этой странной сцены у меня щемит в груди. Волна болезненного напряжения разливается по телу.

Отец и сын идут за руку рядом со мной. Господи, как они похожи!

Глаза начинает щипать.

Разные неуместные мысли начинают лезть мне в голову.

Правильно ли я тогда поступила? Имела ли я право скрыть от Исаева его сына?

Не стоит ли мне всё рассказать?

Глава 10

Я взвизгиваю. Отбиваюсь от него, бью кулачками по широкой груди, пытаюсь царапаться и даже кусаться.

- Не смей! — рывкает Ваулин и прикладывает меня тылом ладони по щеке.

Кожа моментально вспыхивает от боли, на глаза набегают жгучие слёзы.

Сейчас через страх и боль я отчётливо понимаю весь ужас ситуации.

Даже если Ваулин решит меня прибить, мне никто не поможет!

Он словно с цепи сорвался. Он сжимает меня в руках, случайно или нет, но бьёт наотмашь и пытается зажать мне рот ладонью.

Хватаю воздух крохотными глотками.

Обезумевшие мысли мечутся в панике.

Что делать? Как вырваться?

Я совершенно одна против этого медведя!

Сдаваться я не собираюсь, но моих сил совершенно точно не хватит. Уже сейчас я слабею, зажатая со всех сторон.

Пока меня спасает только то, что собачка на куртке заела, и Ваулин пытается её просто выдрать.

Эта передышка даёт мне возможность перевести дух и подтянуться к лопатке для обуви.

Длинной металлической лопатке, что висит на вешалке.

Я осторожно беру её в руки и со всей силы бью Пашу по голове.

- Сука! — рычит он и пытается выхватить лопатку из моих рук.

Но я не собираюсь сдаваться. Пытаюсь ударить ещё и ещё. Бью куда попало, лишь бы отпустил, отстал, ушёл!

Ему всё-таки удаётся вырвать оружие самообороны из моих рук, при этом больно ободрав мои ладони.

Я замираю, прижатая огромным телом к стене, с заведёнными за голову руками.

Прямо передо мной ужасающей маской застыло лицо пока ещё мужа. Взгляд светло-голубых, почти серых глаз отдаёт безумием и животной яростью.

- Ты пожалеешь, Лерка! — цедит он зловеще. И от его голоса у меня мурашки идут по телу. - Я больше не дубу белым и пушистым. Наконец, ты получишь то, что заслужила, дрянь!

- Валерия Александровна! — дверь в нашу квартиру распахивается, и на пороге застывает сержант Аляксин.

Мы совершенно синхронно с Ваулиным удивлённо моргаем. Я ведь помню, как Паша захлопнул дверь ногой. Но тогда, почему не защёлкнулся замок?

С облегчением вижу край объёмной сумки с Пашиными вещами, которую он отпихнул с дороги. Она отлетела в сторону и не дала захлопнуться двери.

Я медленно выдыхаю и пытаюсь сползти по стене ниже, выбраться из жёсткой хватки мужа.

- Пошёл на хрен! — ревёт Паша.

Аляксин, шуплый парень, отступает на полшага, но не уходит.

- Валерия Александровна, вас там начмед вызывает. Вот меня с патрулем за вами послал... — из-за спины сержанта выходят двое крепких на вид парней. Естественно в военной форме с красными повязками и надписью «патруль».

В руке каждого массивная резиновая дубинка — солдаты.

Третьим из тени выступает офицер с кобурой на поясе.

- Что случилось? — голос меня не слушается.

- Не могу знать, Валерия Александровна. Начмед сказал быстро! Одна нога здесь, другая там. Наверное, что-то срочное... — сержант разводит руки в стороны.

И я прекрасно его понимаю. Начмед никогда не будет посылать патруль просто так. Дело должно быть очень серьёзным.

Но что там?

Может, Дениска? Что-то случилось с ним в садике?

Мысли о сыне придают мне сил.

Я дёргаюсь из рук Ваулина.

- Пусти, — шиплю зло.

Он не собирается отступать.

Скалится и снова впечатывает меня в стену.

- Дверь закрыли с той стороны, — рычит он, не сводя с меня обезумевшего взгляда. - Заняты мы. Так начмеду и передай! Она вольнонаёмная, не должна бежать по первому требованию!

- Пусти! — я снова дёргаюсь, а он снова больно прикладывает меня о стену.

- Я сказал, не рыпайся.

Патруль в дверном проёме переминается с ноги на ногу, вопросительно смотрит друг на друга, словно не могу решиться на что-то.

И я их понимаю, без прямого приказа начальника патруля, они ничего не могут сделать. К тому же они срочники, совсем молодые ребята. А тут целый здоровенный капитан. С пудовыми кулаками и дурью, которой хватит на пятерых.

Не знаю, почему медлит с приказом начальник патруля, но драгоценные секунды утекают.

Я всё ещё здесь! А так, возможно, плохо моему ребёнку.

- Да пусти! — я снова дёргаюсь, выводя Ваулина из себя окончательно.

- Заткнись! — он в очередной раз заносит кулак. В его взгляде исчезают последние крупицы сознания. Остаются только взметнувшиеся искры ненависти и лютой ярости.

Лицо превращается в восковую маску, черты заостряются и выражают лишь одно желание — прибить меня на месте.

- Капитан Ваулин, отойдите! — раздаётся, наконец, голос начальника патруля. - Если не отойдёте, мы будем вынуждены применить спецсредства.

- В жопу себе их засуньте! — скалится Ваулин, резко разворачивается к двери и наступает на сержанта Аляксина и патрульных.

Глава 34

Не стоит ли мне всё рассказать? — в сотый раз и так и эдак кручу в голове эту мысль, пока сижу на табуретке на кухне у Исаева.

Кто бы мог подумать, что мы с ним не просто встретимся после всего, но и вот так будем сидеть рядом и смотреть, как трое мальчишек с удовольствием уплетают нехитрый армейский паёк.

Андрей прямо ножом вскрыл три упаковки с армейской кашей, вывалил всё это на сковороду и разогрел со сливочным маслом.

По крохотной кухне поплыл такой запах, что мальчишки тут же подтянулись из комнаты и напрочь забыли о молоке и печеньях.

И это притом, что они кушали в саду и ужинали у меня. Но молодым организмам нужно хорошо питаться.

- Все руки мыли? — строго спросил Андрей, раскладывая кашу по тарелкам. Мальчишки с готовностью кивали в ответ. И вот теперь сидят и с аппетитом поглощают кашу.

А я... я смотрю на сына и думаю, как было бы для него лучше? Чтобы он знал родного предателя-отца? Или чтобы он рос в полной любящей семье?

Тогда ответ казался мне очевидным. Сейчас... сейчас я получила то, что есть.

Семья не полная, не любящая, и муж оказался не просто предателем, а абыюзером и садистом.

- Поёшь, — Андрей ставит передо мной тарелку с кашей и сам садится верхом на табурет.

- Я не хочу, спасибо, — мне даже смотреть на него не то что стыдно, но как-то неловко.

Потому что в каждом его мимолётном взгляде я улавливаю странную тоску, а ещё невысказанный вопрос о том, что между нами происходит. А я не готова отвечать.

Я вообще не хочу разговаривать на эту тему. Господи. Я даже не могу для себя решить, стоит ли Андрею говорить о сыне.

С одной стороны, я отчётливо понимаю и именно сейчас, что они оба достойны правды. С другой стороны, я не готова вспоминать, почему я вообще эту правду скрала.

Андрей хмурится, молча пододвигает тарелку ко мне ближе, вкладывает в руки вилку.

Я медленно выдыхаю сквозь сжатые зубы, потому что его прикосновения доставляют мне боль. Кожа моментально вспыхивает, плавится и, кажется, останется ожог. И без того напряжённые нервы вибрируют, заставляя меня дрожать. Сердце сжимается от тоски под застарелой коростой.

Мне всё-таки приходится есть. Просто чтобы не привлекать внимания.

- Спасибо, — я поднимаюсь, наконец, из-за стола.

Мальчишки поели под присмотром командира и весело унеслись досматривать мультфильм, Андрей ушёл за ними, но ненадолго.

И вот теперь он чего-то ждёт.

А я не знаю, о чём нам говорить.

Я ставлю тарелки в раковину, открываю воду. Автоматическая колонка у Андрея зажигается сама. Удобно.

Закатываю рукава и взглядом ищу губку.

- Я сам, — за спиной раздаётся волнующий меня баритон.

- Я помою, — пожимаю плечами. Должна же я хоть как-то сбросить напряжение и занять своё внимание.

Но Андрей такой Андрей. Если он что-то решил, то будет так, как он сказал.

Мне всегда это в нём и нравилось.

Он прямо через меня, обжигая своим прикосновением мне руку, плечо и часть спины, закрывает воду и замирает в каких-то сантиметрах от меня.

А я не в силах обернуться.

Стою, оперевшись взглядом в раковину, полную посуды. А рядом, оперевшись бёдрами о столешницу, замер Андрей.

- Ничего не хочешь мне сказать?

Я не вижу его лица, но чувствую раздражение и злость в его голосе.

Сердце срывается на галоп, ритм пляшет, перед глазами разливается тёмная пелена.

Он всё понял. Он знает про Дениску! — первое, что вспыхивает в моём мозгу.

- Не понимаю, о чём ты, — трясущимися руками я поднимаю полотенце.

- О нас, Лера, о нас, — в его голосе сливается безграничная тоска и нотки страсти, но всё это моментально тонет в волнах ярости, что исходят от него.

- О нас? — теперь дрожит и мой голос. Я отчаянно пытаюсь взять себя в руки, но не выходит ни черта. - Нас нет. Давно.

Я собираюсь равнодушно пожать плечами. Не выходит.

Андрей перехватывает меня за руки и резко дёргает на себя.

В отличие от Ваулина его объятия отчаянно приятные. Но от этого причиняют ещё больше боли и тоски.

- Посмотри на меня, Лера, — требует он, и я не могу не подчиниться. Никогда не могла. Он сильный, волевой, опасный. Вот только я никогда его не боялась. И не боюсь. Потому что вся его сила могла обрушиться на кого угодно, только не на меня.

А потом... потом он изменил мне!

Воспоминания и пережитая маленькая смерть нашей любви придают мне сил.

Я поднимаю взгляд, полный ненависти, по крайней мере, я на это надеюсь и не менее яростно шиплю.

- Нас нет уже давно, Андрей! Пора забыть об этом! — я дёргаюсь, но он не отпускает. Наоборот, его ладони соскальзывают с моих плеч, оглаживаю локти, тонкие запястья, подхватывают ладони и нежно перебирают пальчики. Совсем как раньше.

Я судорожно и шумно вздыхаю.

Боже, что он творит?

- Ответь мне на один вопрос, Лера, — требует Андрей, поднимая мою правую ладонь и сжимая между подушечками мой безымянный палец. То самое место, где ещё совсем недавно красовалось Ваулинское кольцо. - Оно того стоило? Твоё бегство стоило всего этого? Наши разрушенные отношения стоили того?

Глава 11

Я не собираюсь ждать продолжения этого «спектакля». И без того понимаю, что взбешённый Ваулин просто так не остановится и сейчас явно что-то будет.

Я просто подныриваю под его руку, пока он оценивает расстановку сил, и бросаюсь бежать.

Легко перепрыгиваю огромную сумку, перегородившую коридор, приземляюсь практически на руки сержанта Аляксина.

- Идём, — шепчу ему срывающимся голосом.

И зачем-то сжав его ладонь, бегу вниз по лестнице.

Только выскочив на улицу, я понимаю, что лёгкие жжёт от недостатка воздуха — всё это время я не дышала, сквозь грохот обезумевшего от страха сердца прислушивалась к крикам и грохоту за спиной.

Я боялась погони, боялась того, что слабый шанс на спасение растает как утренний туман, и я снова окажусь один на один со своим мужем.

Сейчас же, выскочив в ранние осенние сумерки, я жадно глотаю ртом влажный воздух и смахиваю со щеки слезу.

Всё потом, Лера! Всё потом!

Сейчас надо к Дениске!

- Валерия Александровна, — отрывает меня от размышлений сержант. - Нам в медпункт, начмед ждёт!

- А? — я вздрагиваю. Свежий, холодный воздух помогает мне немного привести мысли в порядок. Почему я сразу решила, что с сыном что-то случилось? Он ведь в садике, с воспитателями и другими детками. Какое отношение к нему имеет начмед?

Наверное, в минуты тревоги, когда рушится твой мир, любую новость начинаешь воспринимать с позиции предстоящей трагедии.

- Да-да! В медпункт, — отзываюсь я и только сейчас выпускаю его руку, о которую опиралась всю дорогу.

Быстрым, очень быстрым шагом мы бежим к внутреннему КПП, что отделяет жилую зону военного городка от административной.

Я честно пытаюсь собрать мысли в кучу и настроиться на работу. Но ничего не выходит.

Мои мысли постоянно возвращают туда, где в квартире остался разъярённый Ваулин, к подъезду, из которого доносились характерные звуки потасовки и грубые маты.

Я с отчаяньем думаю о том, где же я просчиталась. Почему моя жизнь из спокойной и размеренной в один момент превратилась в такое дерьмо. Никак иначе я это назвать не могу.

Ещё вчера вечером я ставила тесто на пирожки и жарила-парила-варила домашнюю еду для любимого мужа. А сегодня несусь неизвестно куда в ночь, лишь бы оказаться подальше от монстра, что умело скрывался под шкурой заботливого и нежного мужа.

У самого крыльца медпункт в моём воспалённом мозгу взрывается ужасная мысль, что наше замужество от начала и до самого конца было спектаклем.

Я ценила и уважала Ваулина, старалась быть ему другом, была безмерно благодарна за всё. И на этой волне согласилась стать его женой.

Он действительно взял меня измором, сопротивляться его напору в то время у меня не было сил. Видимо, на задворках моего сознания теплилась мысль «стерпится-слюбится».

К тому же Паша казался надёжным, заботливым, был влюблён в меня давно и по уши.

Нет, я не использовала его и не обманывала. Никакого расчёта у меня не было, а было желание создать крепкую, надёжную семью, дать моему ребёнку настоящего отца, а не...

Видимо, всё-таки моих стараний было недостаточно для Паши.

Неудовлетворённость и обида копились в нём годами.

Иначе я не могу объяснить его поступки.

Но что мешало ему просто подать на развод?

Зачем унижать меня? Зачем всё это? Зачем было приплетать Андрея! Я вычеркнула мерзавца из своей жизни и никогда не вспоминала! НИКОГДА!

- Валерия Александровна, прошу! — сержант распахивает передо мной дверь в медпункт.

Киваю и захожу внутрь. Стряхиваю с пуховика мелкие капли осенней мороси.

В воздухе привычно пахнет дезсредствами и солдатскими берцами.

Вот только сейчас я улавливаю новую нотку в привычном запахе. Что-то пряное, резкое, будоражащее кровь.

Лёгкий, но настойчивый шлейф мужского парфюма.

Это не новость в военном городке, в медпункте, где восемь пять процентов посетителей и пациентов это военные. Им по уставу положено быть гладковыбритыми, вымытыми и одетыми с иголки.

Но этот аромат. Он рождает во мне что-то давно забытое, похороненное под разрушенными надеждами, корками застарелой боли и за келоидными шрамами на сердце.

Есть в нём что-то очень личное для меня, родное. Но вместе с тем выворачивающее душу наизнанку. Я больше четырёх лет не чувствовала ничего подобного и уже совершенно забыла этот аромат и мужчину, что носил его...

Почти бегу к кабинету начмеда. Стучу отрывисто и резко, потому что рука дрожит.

Едва успеваю дождаться короткого «войдите» и толкаю дверь. Я даже войти в кабинет не успеваю.

Сердце падает куда-то в самый низ, на глаза набегают предательские слёзы, а горло сжимает спазм.

- Ты... — единственное, что я могу выдавить из себя.

Дорогие читатели!
 Приглашаю вас в эмоциональную историю "Жена офицера. Я тебя не отпускал" от Оксаны Литвиновой

 ЧИТАТЬ ЗДЕСЬ:

<https://litnet.com/shrt/6vVh>

Глава 12

- Мама! — бросается ко мне сынишка.

- Ты здесь! — я падаю на колени и ловлю свой маленький ураганчик.

Меня обдаёт ароматом борща из садика и детской непоседливости.

Глажу руками шелковистые волосики, целую щёки, лоб, шею, везде, куда попадаю.

Сын смеётся от счастья и щекотки.

Мой маленький! Дениска!

Прижимаю к себе хрупкое детское тело, обнимаю крепко-крепко и зарываюсь лицом в его тёплый вязанный свитер.

Сердце частит на запредельной скорости. На душе неожиданно становится легко и спокойно. Все проблемы и невзгоды отходят на второй план.

Сейчас в тёплом кабинете начмеда со мной мой сын. Живой и здоровый, радостно болтающийся без остановки о своих безумно важных делах, о том, что давали на обед в садике, о машинке, которую он случайно сломал в садике, о дяде Лёше — моём начальнике, который угостил его чаем с конфетами и научил рисовать грузовики.

Я продолжаю гладить сына по голове и поднимаю заплаканное лицо.

За своим столом сидит Алексей Александрович — начмед и мой начальник. Взгляд его хмурый, тяжёлый. Но затаившаяся на дне его радужки злость направлена не на меня.

Рядом с ним переминается с ноги на ногу Юля и виновато мне улыбается.

Так вот кто стоит за всем этим.

Почему-то я даже не удивлена — такие как Юля никогда не бросят в беде, поднимут всех на уши, но вытащат из любого дерьма.

Вот и она успела сбежать в сад за детьми, забрала Дениску — мы часто боим друг друга, к тому же у нас маленький городок, детей нам отдают без проблем, все знают, что одна из нас приглядывает за ними, когда другая работает. А потом Юля пошла не домой, а принеслась к начмеду за помощью. А уже он отправил за мной патруль и Аляксина.

Интересно только, как сержант тут оказался? Он же теперь к автопарку приписан, а не к медслужбе. И вообще, он личный водитель командира части.

Но об этом думать я уже не могу.

И так слишком много вводных для одной меня.

Я с благодарностью киваю Юле, виновато улыбаюсь начмеду.

- Всё хорошо? — хмурится Алексей Александрович, внимательно рассматривая моё лицо.

Я не знаю, что он там видит, но взгляд его становится всё более злым и тяжёлым.

- Да, — судорожно сглатываю и киваю.

Опускаю взгляд на сына, что тянет меня к столу показать рисунки. В кабинете повисает напряжённое молчание, прерываемое только весёлой болтовней трёх детей. Юлины сорванцы устроились тут же на диване и мастерят башню из медицинских книг начмеда.

Оглядываюсь.

Напряжение постепенно отступает.

В кабинете больше никого нет.

Аляксин получил короткий приказ от начмеда и исчез, прикрыв за собой дверь.

В кабинете нас шестеро — трое взрослых и трое детей.

Я судорожно вздыхаю, снова уловив давно забытый запах.

Тревога и странное волнение царапают где-то глубоко внутри.

Но я гоню от себя странные мысли.

Мало ли кто мог приходить из офицеров к начмеду. Мало ли кто мог купить ЭТИ духи.

Предчувствие шипит что-то о том, что оно не ошибается. Но я отмахиваюсь от него. У меня сейчас есть другие, более важные заботы, чем призраки прошлого.

- Он тебя ударил? — по-военному прямолинейно спрашивает начмед.

Юля поджимает губы, подходит ближе, берёт Дениску за руку и отводит к своим сыновьям.

Она всеми силами старается отвлечь детей от взрослых разговоров. Спасибо ей за это.

А я...

Я едва сдерживаюсь.

Напряжённая спина выпрямляется до хруста позвонков, кулаки судорожно сжимаются, загоняя короткие когти в кожу. Истерика волнами накатывает на меня, пытаюсь вырваться наружу.

Я не могу...

Не сейчас

Не при всех. Ни при детях.

Ответить я не могу. Горло сжал удушающий спазм.

Я только резко качаю головой и сжимаю подрагивающий губы.

Нет! Он не бил, он...

- Пойдём выйдем, — начмед встаёт из-за стола и выводит меня в коридор.

Он не спрашивает. Не предлагает. В привычной ему манере приказывает. И я безропотно подчиняюсь.

- Рассказывай, — командует начмед, как только мы отходим от двери на приличное расстояние.

Наша небольшая поликлиника пуста. Пост дежурной медсестры в другой стороне, рядом с палатами. Здесь нас никто не видит и не слышит.

Я замираю, секунду раздумываю над тем, что сказать, но не выдерживаю давления и просто плачу.

Слёзы, что душили меня с самого утра, вырываются наружу.

Начмед мне не мешает. Не утешает, не говорит ничего не значащие слова. Просто стоит и ждёт, когда пройдёт эта волна. Спасибо ему за это.

Меня трясёт от напряжения, от страха, злости, разочарования, болезненных осколков семейного «счастья» и предательства, что засели глубоко в сердце.

Я оплакиваю четыре года своей жизни. Свой брак, образ плюшевого мишки и «Бэйбика», который рисовала себе эти годы и с готовностью любила.

Я встретила с действительностью. Второй раз в жизни. И на этот раз принимать эту самую действительность оказалась больнее.

Кажется, я начинаю понимать, что моя семейная жизнь изначально была ложью.

Не мог же Ваулин ходить и страдать по мне, завязав член узлом. И ухаживать за мной, не получая отдачи. Ему нужно было скидывать куда-то напряжение!

Это я была молодая и погруженная в своё личное горе. А Ваулин был и остаётся мужиком с огромными сексуальными потребностями.

Работая не первый год в армии, я прекрасно знаю, куда и как мужчины скидывают своё напряжение. Особенно если рядом нет жены или любимой женщины.

Не всё, но многие не считают измену чем-то постыдным. Более того, они и изменой это не считают. Просто сбросом напряжения. Зачем отказываться, если женщина под рукой и не против? А часто ещё и сама лезет на член!

Сейчас я совершенно точно понимаю, что такая жизнь мне не нужна.

- Поедем, — подталкивает меня начмед к выходу, — доедем до ментов, напишем заявление.

- Какое? — моргаю удивлённо.

- О побоях и в ЦРБ заедем, зафиксировать...

Он кивает на плечо, что я уже несколько минут неосознанно растираю.

Глава 35

Ещё секунду назад я дрожала от накативших воспоминаний и страсти, что, как оказалось, не полностью умерла во мне. Ещё одна крохотная искра, и я бы сорвалась. Сама вцепилась бы в Андрея и... Кошмар!

Но не сейчас! Сейчас его слова разрывают мне душу, выворачивают внутренности наружу и топчутся на горстке пепла, что осталась от наших отношений в прошлом.

- Не смей! — шиплю я и извиваюсь в его руках, как змея. - Не смей вспоминать о том, что было. Ты сам прекрасно знаешь, что случилось тогда! Не я бросила тебя! Не я выбрала дешёвый перепихон вместо наших отношений! Ни я не смогла удержать свой член в штанах! Поэтому не надо сейчас ТАК на меня смотреть и требовать ответа! Я ни в чём не виновата перед тобой, и поднимать этот вопрос я не собираюсь! А теперь пусти меня!

В глазах Андрея, пока я всё это говорю, вспыхивает яростно пламя. Его хватка на моих руках становится каменной, не давая мне возможности вырваться.

- Я не удержал член в штанах? — опасно щурится он. - С этого момента поподробнее.

В его темно-карих глазах бушует такое адское пламя, что вот-вот спалит нас обоих.

Его пальцы продолжают сжимать и поглаживать мои ладони. Вот только сейчас причиняют ещё больше боли, чем минуту назад.

- Я не собираюсь это обсуждать, — шиплю и дёргаюсь. Не хватало, чтобы дети услышали этот скандал и испугались. Принимать предложение Андрея о ночёвке у него было ошибкой! Очень большой ошибкой!

Мне надо уехать, и срочно!

Господи, я даже представить не могу, что буду видеть его каждый день. Нет, это невозможно!

- Пусти, — я извиваюсь, но получаю только очередной тёмный взгляд, полный ледяного безумия.

Андрей успевает взять себя в руки и едва слышно произносит.

- Просто объясни, что ты имеешь в виду, и я отстану.

- Андрей, — я закатываю глаза, пытаюсь вытянуть свои руки, но не могу. - Зачем это тебе? Имей мужество принять всё, как есть. Ты свой выбор сделал ещё тогда: смазливая девчонка в коротком белом халатике, готовая на секс с тобой даже на рабочем месте. Я без претензий! Правда! Проехали, забыли!

Мой голос дрожит от накативших воспоминаний и слёз, но я отчаянно пытаюсь засунуть всё это поглубже.

- Лера, — утробно рычит Андрей, — да говори ты понятно, в чём дело? Что я натворил ТОГДА? И вообще когда? И с кем?

Я вижу, как его лицо темнеет от едва сдерживаемого гнева, желваки ходят ходуном на гладковыбритых щеках. А взгляд... о боже! Что за взгляд!

Тёмный, опасный, давящий и требующий ответа. Стоит мне взглянуть в него, как я не могу больше отвернуться. Он не позволяет. Удерживает и требует продолжить разговор.

Но я не хочу! Я не хочу вспоминать о том дне, когда рухнули все мои мечты. О том дне, после которого мне пришлось собирать себя по частям, по кусочкам и пытаться склеить вновь. Слишком больно. Слишком страшно.

- Всё хорошо, Лер, просто расскажи...

Я вздрагиваю, не понимая, как оказалась в его объятиях. Андрей уже не просто гладит мои руки, он крепко прижимает меня к себе, согревает своим телом, дарит давно забытый уют и покой. Его руки скользят по моей спине, ласкают, мягко поглаживают. Стараются успокоить...

А я... плачу как девчонка. По моему лицу стекают слёзы. Горячие слёзы застарелой обиды и тупой боли внутри.

- Мама? Се случилось? — огромными испуганными глазами на нас смотрит сын, заскочивший на кухню.

- Всё хорошо, малыш! — стараюсь говорить спокойно и быстро стираю слёзы со щёк.

Но подойти к ребёнку мне не даёт Андрей. Он быстро разворачивает меня лицом к раковине. Да так ловко, что я не успеваю возмутиться. А сам в два шага преодолевает расстояние до сына, опускается перед ним на корточки и берёт его руки в свои.

- Всё хорошо, Денис, — говорит Андрей серьёзно. - Мама немного порезалась, когда отрезала мне хлеб. Сейчас мы обработаем с ней рану, и всё быстро заживёт.

- Мама! — я слышу панику в голосе ребёнка и уже готова прибить Андрея за эту ложь.

- Ты хочешь сам помочь маме с порезом? — голос Андрея остаётся серьёзным.

- Нет, — начинает всхлипывать мой сын. Дениска боится крови.

- Тогда возвращайся в комнату. С мамой всё будет хорошо. Я её не обижу. Ты мне веришь?

Впиваюсь пальцами в старую эмалированную раковину и закатываю глаза.

Какая речь! Сколько пафоса! И боли для меня!

Вот только мой сын не купится на громкие слова, он вообще очень боязливый мальчик...

- Я верю, — неожиданно для меня и, кажется, для себя произносит Денис. Ещё раз всхлипывает и убегает в комнату.

- Не смей врать моему сыну! — выдыхаю я, стоит Андрею подойти ко мне.

- Я это учту, — он встаёт передо мной и складывает свои огромные руки на груди, отгораживаясь от моих эмоций и полностью загораживая мне проход. - А сейчас ты мне расскажешь. Что же произошло пять лет назад!

Глава 13

Я не спорю.

Только киваю.

Хотя не верю в эту затею.

Что я скажу в полиции? Что муж грубо схватил меня за плечо?

Ведь он не бил. Потому что не успел.

Я не строю больше иллюзий. Ваулин бы ударил. И бог его знает, чтобы сделал ещё, если бы не вмешался патруль.

Но мои предположения к делу не пришьёшь.

Примерно так мне и говорит дежурный сержант, когда я прошу его принять у меня заявление.

На улице слякоть и первый мокрый снег. Всю стоянку перед районным отделом полиции завалило тяжёлыми хлопьями, которые уже не тают сами.

На небольшой районный город, что в получасе езды от части, уже опустилась ночь. И сержант из дежурки стоит перед дверью, задумчиво курит и сжимает в руках совковую лопату.

- Побои зафиксировали? — спрашивает он устало.

- Нет, я, — поёживаюсь, сжимая в кулаке воротник своего пуховика, и отступаю. - Я не знала...

Растерянно оглядываюсь на нашу санитарную «буханку». Начмед остался внутри, сказал, что подойдёт через минуту.

И вот его нет, и я уже растеряла всю уверенность.

Но не потому, что мне вдруг стало жалко Ваулина. Нет. Просто я впервые столкнулась с таким отношением к себе. Меня впервые пытался ударить муж. Я впервые сбежала от него. Я впервые шла писать на кого-то заявление. Я просто теряюсь.

Пока я думаю, что ответить, сержант щелчком отправляет окурок в урну и принимается расчищать парковку перед отделом так, словно меня вообще не существует.

А я всё ещё стою и не понимаю, что здесь делаю. Если бы я не согласилась ехать, могла бы уже быть дома с Дениской...

Но неправильность собственных мыслей царапает сознание.

Могла бы!

Могла бы проглотить! Остаться с Павлом! Простить и сделать вид, что всё хорошо! Могла бы терпеть его измены и издевательства. Все терпят, и я терпи?

Могла бы в какой-то момент попасть под горячую руку! Могла бы и погибнуть!

Ну нет!

Я не хочу так жить! И бояться Ваулина всю жизнь я не хочу! И к ребёнку своему я его не подпущу!

Довольно!

Мне хватило одного намёка от судьбы, чтобы сделать правильные выводы.

Я сжимаю кулачки так сильно, что второй раз за день ногти впиваются в кожу.

- Послушайте! — я говорю уверенно и громко. - Я приехала подать заявление. И я его подам. Скажите мне, как правильно, так я и сделаю! Нужно снять сначала побои? Хорошо. Я сейчас поеду в ЦРБ и с заключением вернусь к вам...

- Валерия Александровна, — позади раздаются тяжёлые шаги начмеда. - Вы уже всё?

Он подходит ближе и смиряет сержанта недовольным взглядом.

Отчего полицейский вытягивается в струнку.

Начмед — мужчина довольно молодой, еще и сорока нет, но бравый. Высокий рост, широкие плечи и подполковничьи погоны кого хочешь заставят с ним считаться.

Тем более все в районном городе знают, что наша часть расположена неподалёку. С военными здесь привыкли считаться, их уважают, а некоторые и боятся.

- Сейчас всё будет, — сержант отставляет лопату и идёт в дежурку.

Сам быстро записывает с моих слов показания. Хмурится, пожевывает губами, бросает быстрый взгляд на мрачного начмеда и набирает кому-то по телефону.

- Светлана Александровна, да, здрасте, вы сегодня в приёмном дежурите? Отлично. Сейчас к вам девушка подъедет, — он сверяется с моим заявлением, — Ваулина Валерия Александровна, вы её побыстрее проведите, хорошо? Да, телесные. Я очень вас прошу.

От удивления мои брови приподнимаются. Я машинально принимаю из рук сержанта талон, что он принял моё заявление, и слушаю его сбивчивый ответ о том, что в ЦРБ меня уже ждут. А также предупреждает, чтобы на многое я не рассчитывала. Потому что дело тянет максимум на административку, при условии, что будут побои. Иначе это будут мои слова против слов мужа.

Я лишь киваю в ответ.

- Садись, — начмед распахивает передо мной дверцу старенькой «буханки». Я забираюсь внутрь, усаживаюсь на лавку и откидываю голову.

Начмед садится рядом с водителем и всю дорогу до ЦРБ с кем-то разговаривает по телефону. Это неудивительно. Он всё-таки начмед, и дел в части у него хватает.

Но порой даже через рёв мотора и свист ветра за окном до меня доносятся обрывки его разговора. И этот разговор как будто обо мне.

Да нет. Какой-то бред!

Хотя возможно, начмед звонит в поликлинику и объясняет, почему задерживается.

А может, мне всё это только кажется. Ведь сложно что-то уловить и правильно понять, когда сидишь в шумном салоне старенькой буханки.

Возможно, это просто игра моего воображения. Я просто перенервничала, и теперь везде мне мерещится Ваулин и слышится моё имя.

А сколько ещё будет сплетен и осуждения, притворной жалости и ликования от тех, кому чужое счастье вечно поперёк глотки.

Глаза жжёт от невыплаканных слёз. Но я не позволяю им скатиться. Ещё не время. Я постараюсь никому не показать, что мне тяжело и больно.

Я буду плакать, обязательно. Но позже! Когда накажу Ваулина и разведусь с ним! Вот тогда я и поплачу, от счастья.

В ЦРБ всё проходит ещё быстрее, чем в отделе полиции. Меня осматривает дежурный травматолог. Хмурится, причмокивает губами, в десятый раз рассматривает красное пятно на моём плече.

- Даже на синяк не тянет, — говорит он скорее сам себе. - Давайте сделает рентген на всякий случай...

Мы делаем, но и на рентгене не находится ничего страшного. И слава богу!

- Я напишу кровоподтёк, но вы же понимаете... — он разводит руками, показывая, что ничего не может сделать. Как будто извиняется. Но я благодарна за простое человеческое отношение.

Я и сама прекрасно понимаю, что с «такими» побоями Ваулин легко останется без наказания. У него возьмут показания, он расскажет свою версию, и дело закроют.

А я...

А я просто уеду отсюда, — решаю я. И даже если немного потреплю Ваулину нервы, это уже будет неплохо.

Ведь он всегда так беспокоился о своей репутации. Вот пусть и подумает, как командованию объяснить расследование о домашнем насилии!

Дорогие читатели!
 предлагаю вашему вниманию еще одну историю
"Жена офицера. Я тебя верну" от Иры Орловой

ЧИТАТЬ ПО ССЫЛКЕ:
<https://litnet.com/shrt/d1KE>

Глава 36

Каждое его слово болью отдаётся в моей душе.

Зачем он меня так мучает? Зачем?

Неужели ему это доставляет удовольствие?

Я поднимаю взгляд и разглядываю хмуро сведённые брови, яростный, стремительно темнеющий взгляд и плотно сжатые губы.

- Я не хочу продолжать этот разговор. Прийти к тебе было ошибкой! — я хватаю со стола мятое кухонное полотенце и вытираю руки. А после мну его ещё больше.

- Ошибкой? — мне кажется, Исаев иронично выгибает бровь. Но вот его глаза по-прежнему лихорадочно горят. - И что ты собралась сделать?

- Исправить её! — отбрасываю полотенце и пытаюсь пройти мимо Андрея.

Но он не даёт.

Ловит меня в свои объятия, сжимает крепко, прижимая к себе.

Я судорожно вдыхаю его запах и тут же отшатываюсь. Так больно и страшно мне становится. Его запах, его опасная близость рождают во мне давно забытые чувства. А я не могу им поддаваться. Только не сейчас!

Он не удерживает, но и не отступает. Гранитной горой загораживает мне проход.

- Пусти! Я пойду к себе! Мальчишкам пора спать!

- Не кричи, Лера, — хмурится Андрей. - С мальчишками ничего не случится, если они ещё пятнадцать минут посмотрят мультики.

- Сразу видно, что у тебя нет детей, Андрей, — сама не знаю зачем, рываю я. И вижу, как меняется его лицо. Скулы резко заостряются, лоб пересекает хмурая складка, а в глубине чёрных глаз вспыхивает что-то такое яростно-болезненное, что мне самой становится страшно.

Кажется, я попала в больное место.

- Может быть, у меня и нет детей, — он надвигается на меня, медленно, как хищник загоняет в угол, — но я точно знаю, что ночевать одной с детьми в незапертой квартире даже в закрытой военной части не лучший вариант!

- Других у меня нет! Я здесь не останусь! И в твоей части я больше не останусь! Хочешь, увольняй меня по статье, но на работу я больше не выйду, — меня лихорадочно трясёт. Я, уже не думая, несу какую-то ахинею. Лишь бы вырваться скорее отсюда! Лишь бы уйти, сбежать, зарыться где-нибудь.

Слишком много всего потаённого и опасно-приятного будит во мне близость Андрея. А так нельзя.

- Делай что хочешь, — рычит он, упирая руки с двух сторон от моей головы, — но сначала ты мне расскажешь, что произошло пять лет назад.

При этом его взгляд так ярко вспыхивает, что я понимаю, это важно не только для меня, но и для него.

Но что он хочет узнать? Зачем? Чтобы причинить мне новую боль? Разворошить то, что давно забыто и отболело? Не проще ли похоронить прошлое в памяти и жить дальше?

Я гулко сглатываю и смотрю на Андрея.

Он не отступит. Пока он не услышит то, что хочет, не отойдёт и не выпустит меня с кухни.

Поэтому я вздёргиваю подбородок, делаю глубокий вдох и отвечаю.

- Не знаю, зачем тебе это нужно, — цежу сквозь зубы, — но просил, так получай. Пять лет назад, когда ты лежал в госпитале, я приехала тебя проведать. Без предупреждения и звонка. Решила сделать сюрприз. А по итогу сюрприз получила сама.

Мой голос предательски дрожит. Потому что я до сих пор помню, по какому поводу намечался сюрприз — я узнала, что беременна Дениской. Меня так переполняло счастье, что я решила немедленно поделиться им с Андреем. А получила боль...

В тёмном взгляде Андрея вспыхивает что-то странное: болезненное и уязвимое.

- Продолжай, — требует он, едва покачиваясь. Такое чувство, что его кто-то ударил.

- А что здесь продолжать? — взрываюсь я, но тут же прикрываю рот ладошкой. - Я зашла в палату, а там... а там, ты, Исаев, кувыркнулся с какой-то девкой! Навалился на неё сверху, задрал ей халатик и вдул!

О господи, прошло пять лет, а мне всё также больно. События давно минувших дней встают перед глазами и частично сливаются с изменой Паши. Вот только если женщины разные, то мужской силуэт в моём сознании слился в один. И это какое-то наваждение!

- Лера, — Андрей нависает надо мной, давит своей аурой и злостью, — пять лет назад я успел пролежать в том госпитале от силы пару дней. Умер мой отец, и я сорвался на похороны, бросив все вещи в палате. А когда через пару дней пришёл в себя, и решил позвонить тебе, твой номер был вне зоны доступа. Знаешь, что я узнал, когда вернулся в часть?

От его плохо скрытой боли и застарелой ярости у меня по телу пробегается мороз.

- Что ты сбежала с Ваулиным, оставив мне на память моё помолвочное кольцо!

Я гулко сглатываю, глядя на Андрея огромными глазами.

Нет, нет! Это не может быть правдой!

Глава 14

В часть приезжаем глубоко за полночь.

К моему удивлению, буханка останавливает у пятого дома.

Странно.

Начмед живёт в первом, мы с Ваулиным в восьмом...

При мысли о муже и о том, что он может ждать меня дома, горло сдавливает спазм, а грудь вспарывает холодными когтями страха.

Я хорошо знаю мужа — он упрямый. Даже не так. Он упёртый как баран.

Взять хотя бы то, как он взял меня измором и практически женил на себе.

Правда, сейчас возникает вопрос ЗАЧЕМ? Зачем он это сделал, если тут же бросился на другую! Господи, в госпитале, куда я сама его и определила!

Думала подлечиться, отдохнёт, успокоится.

Я не видела у Паши явных признаков ПТСР. Но сказать, что всё хорошо я тоже не могу.

За последний год стал отдаляться от меня, звонил урывками, по минуте, по две, сообщения писал редко.

Но это всё было понятно и объяснимо. Он был не на курорте. Он был там, где многие ломаются, не выдерживают ужасов и постоянного присутствия смерти.

Но, видимо, причина была в другом.

В его короткие отпуска Ваулин приезжал уставший и безучастный. Он Дениса даже на руки не взял ни разу. Ни в этот раз, ни в прошлый. Просто отрешённо смотрел, как сын играет на ковре.

А ведь когда-то из роддома выносил меня на руках, смеялся и хвалился друзьям и родным, что я родила ему богатыря.

Конечно, Паша лукавил. Мы оба это знали. Но радость на его лице была настоящая.

По крайней мере, так казалось.

А теперь, оглядываясь назад, анализируя многое кажется мне странным. Его нежелание говорить со мной, его отрешённость и холодность в постели, его безразличие к сыну, его хмурое настроение, зарплатная карта у родителей и спешка с постройкой дома, в котором мы ещё лет пятнадцать не сможем жить.

Я всё списывала на постоянный стресс. Но, видимо, дело было в другом.

Не мог же Паша так резко измениться. Из заботливого влюблённого медвежонка по щелчку пальцев превратится в замкнутого, озлобленного уроды, который не стесняется своих измен, поднимает руку на жену, унижает её.

«Тебе придётся простить и жить со мною дальше!» — от одного только такого предположения меня передёргивает.

НИКОГДА!

Я никогда не смогу простить измену, сделать вид, что ничего не было, лечь опять в постель!

Сжимаю кулачки! Облезет!

В следующий же свой выходной подам на развод!

- Валерия Александровна, — из размышлений меня вырывает спокойный настойчивый голос начмеда, — выходим!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.